

С.В. Назаров, В.В. Назарова

ГЕНДЕРНЫЕ ЭТЮДЫ:

Учебно-практические материалы
по истории повседневности нового и новейшего времени

Армавир, 2019

9 (м)7
63.3(0)64
Н 19

ISBN 978-5-91153-015-0

Назаров С.В., Назарова В.В. Гендерные этюды. Вып. 2 – Армавир, 2019. – 124 с.

Альманах «Гендерные этюды» является вторым выпуском сборника научно-практических материалов кафедры всеобщей истории АГПУ специально посвящённый проблемам гендерной истории, которая является составной частью междисциплинарного направления в социальном и гуманитарном знании. Авторы используют широкие возможности гендерного анализа в изучении различных исторических эпох и сфер человеческой деятельности, рассматривая прошлое сквозь призму взаимоотношений между полами и социокультурных представлений о «мужском» и «женском».

ISBN 978-5-91153-015-0

© С.В. Назаров, В.В. Назарова

О Ч Е Р К И

ОТРАЖЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ИЗМЕНЕНИИ КАНОНОВ КРАСОТЫ ЭПОХИ ГАЛАНТНОГО ВЕКА

Галантный век охватывает два стилевых периода — барокко и рококо. У них много общего, они внутренне близки, родственны, ведь рококо считается заключительной стадией барокко. И в то же время они противостоят друг другу. В эпоху расцвета абсолютизма, его наибольшего могущества барокко создает пышное обрамление абсолютистским устремлениям монарха и аристократии, прославляет власть и богатство. Недаром многие зарубежные исследователи называют это столетие «веком барокко». «Нельзя, кажется, назвать почти ни одного другого века, атмосфера которого так глубоко отмечена стилем своего времени, как XVII век» [1].

Женское тело в период барокко, как и ранее, должно быть «богатым» с «лебединой» шеей, широкими откинутыми назад плечами и пышными бедрами. Цветущая здоровьем, пышная женщина, должна воплощать идею изобилия, плодородия и материнства. Художники тех времён с вожаделенной тщательностью и видимым упоением прорисовывают пухлые слоноподобные женские тела с пышными бёдрами и буграми целюлита. Но талия теперь должна быть как можно тоньше, и в моду входят корсеты из китового уса. К тому же, корсет выполняет еще одну функцию – он зрительно поднимает грудь, обычно почти открытую смелым декольте.

Напомним, что каноны красоты и моды даже в одно и то же время в разных странах той же Европы могли сильно варьировать. Например, в Испании корсет, вместо того, чтобы подчеркивать грудь, превратился для нее в настоящий «панцырь». С помощью него грудь, наоборот, утягивалась, делалась плоской.

Ноги женщин продолжают скрываться под юбкой, держащейся на обручах и достигающей значительной ширины. Пышная, вычурная одежда надолго становится одним из основных элементов женской неотразимости. Парадность внешнего вида наиболее ярко проявилась в широком использовании роскошных воротников и париков, просуществовавших среди знати без малого три века. Необходимыми аксессуарами дам становятся перчатки, веера, зонтики, муфты и ювелирные украшения.

Идеал мужчины XVII в. — уже не рыцарь, а дворянин. Образцом мужской доблести и красоты становится «король-солнце» — Людовик XIV. Умелый наездник, охотник, танцор, он отличался во всех придворных искусствах. Увлечённо занимаясь военными делами, король тем не менее не являл собой тип воина. Даже военный костюм, разработанный под его непосредственным руководством и оказавший огромное влияние на весь дворянский обиход, отвечал в большей степени потребностям придворной, а не военной жизни. Будучи, по отзывам современников, «гением представительства», он любил принимать величественные позы, представлять перед всеми в образе могущественного Юпитера. Этому в немалой степени способствовали высокие каблуки и огромные парики — аллонжи, впрочем, по расхожей мудрости того времени, аллонжи могли превратить в Юпитера любого башмачника. Под стать ему была и Юнона, олицетворяемая либо его матерью Анной Австрийской (первая половина XVII в.), либо его фаворитками (вторая половина XVII в.). Это представительная дама, величественная и жеманная одновременно. Создать подобный образ помогали шлейфы, высокие каблуки [2].

В начале XVIII в. наступает эпоха рококо, и идеал мужской и женской красоты изменяется. Всё теряет величественность, становится изящным, кокетливым и грациозным. Юпитер превращается в Адониса, «юного бога в легких туфлях». Эволюция идёт в сторону всё большей рафинированности, утончённости, и мужчина утрачивает черты мужественности, становясь женоподобным. «Мужчина теперь более, чем когда либо, похож на женщину...

шпага надевается — как можно реже. На руки надеваются перчатки, зубы не только чистят, но и белят, лицо румянят. Мужчина ходит пешком и разъезжает в коляске как можно реже, ест легкую пищу, любит удобные кресла и покойное ложе. Не желая ни в чём отставать от женщины, он употребляет тонкое полотно и кружева, обвешивает себя часами, надевает на пальцы перстни, а карманы наполняет безделушками» — так описывается модный тип того времени современником Мерсье. «Мужчин с железными кулаками, с желудками страусов, с крепкими мускулами теперь можно встретить только, как диковинку, — на ярмарках» [3].

Женщина эпохи рококо пикантна, хрупка и изящна, она должна напоминать хрупкую фарфоровую статуэтку. Торжественную парадность барокко сменяет грациозность, легкость и игривость. При этом театральность и неестественность никуда не уходят — напротив, достигают своего пика. И мужчины, и женщины приобретают кукольный облик. Красавица эпохи рококо имеет узкие плечи и тонкую талию, маленький лиф контрастирует с огромной округлой юбкой. Декорте увеличивается, а юбка несколько укорачивается. В связи с этим пристальное внимание начинает уделяться нижнему белью. В моду входят чулки, а нижняя юбка богато украшается. Богатство нижнего белья становится важным еще и благодаря утренним дамским церемониалам, в которых также участвовали и кавалеры.

Обнажать женскую грудь, касаться ее и целовать — отныне считалось вполне приличным. Скромность вызывала лишь насмешки: раз девушка стыдится — значит нечем похвалиться. Кавалеры вздыхали, что «легче коснуться груди женщины, чем завоевать ее сердце». Дамы же постоянно находили повод показать свою грудь — то роза упала и уколола, то блошка укусила — «посмотрите!». Популярным развлечением знати были и своеобразные конкурсы красоты, где дамы без стыда задирали подолы и распахивали корсажи.

Женщина встаёт на высокие каблочки и двигается чрезвычайно осторожно (иногда с помощью трости). Она превратилась в некое капризно-изысканное существо, экзотический цветок, игрушку. Для создания подобного облика вырабатываются особая походка, особые жесты. В таком костюме можно танцевать только определённые, специально предназначенные для этого танцы. И потому менуэт становится излюбленным официальным танцем эпохи [4].

Парики в эпоху рококо приобретают поистине гротескные причудливые формы. На головах носят целые натюрморты из цветов, перьев, лодки с парусами и даже мельницы.

В моду вошли также специальные черные шелковые пластыри — «мушки». Они служили своеобразной любовной символикой, акцентирующей внимание кавалеров на определенных частях женского тела. В связи с такой спецификой «мушки» нередко клеились не только на открытые части тела, но и под одежду. Некоторые считают, что появление «мушек» было вызвано эпидемией оспы, и сперва они скрывали рубцы, вызванные этой страшной болезнью.

Применение румян и белил в XVII веке — при дворе, где морализаторство стало настоящей манией, имело особое значение, было знаком «раскрепощения» женщины. Дамы, ставшие зачинательницами «прециозной литературы» и «прециозного образа жизни», маркиза де Рамбуйе и мадемуазель де Скюдери (чьё поведение высмеял в «Смешных жеманницах» Мольер) с воодушевлением прославляли набеленное лицо со слегка нарумяненными щеками. Кроме желанья блистать в свете, преследовались и другие цели: скрыть следы разрушения, оставленные возрастом (как было выше уже отмечено).

Загар, как и старость, тоже был подвергнут проклятию, и на прогулку дамы надевали небольшие маски, которые они придерживали, зажав зубами маленькую шишечку-пуговку. Для того, чтобы «снежный покров лица не начал таять, надобно постоянно справляться с «советчиком граций» (с зеркалом), умащать кожу мазями и протирать настоями лепестков лилии, кувшинки и цветов бобов» — советует «Словарь жеманниц». [5].

Мольер мог сколько угодно порицать душистые воды, белила и помады, что наносили ущерб чести, ибо были для неё смертоносной отравой («Урок жёнам»), тем не менее румяна, на которых, по выражению мадам де Севиньи, «держится весь христианский мир», не сдали позиций. С румянами с тали связывать определённые знаки этикета. Так, без румян на лице дама означало, что данная представительница потерпела поражение на любовном поприще; но лишь до тех пор, пока проснувшееся желание новых приключений не возвращало румяна

на её щёчки, внушая надежды на лучшие дни.

В XVIII веке румяна накладывают на уже отбеленную и покрытую слоем белил кожу, причём не только кружочком на середину щёк, но и ярко-алыми пятнами около губ, а также около глаз и висков, где румяна имеют тёмный, коричневатый оттенок. Казанова, большой знаток по части обольщения, так «расшифровывает» значение румян: «Никто не желает, чтобы румянец казался естественным. Румяна накладывают на лицо, дабы они радовали взор и обещали любовные безумства» [6].

Румяна помогали замаскировать пугающую бледность, появляющуюся на лице в результате поздних ужинов эпохи правления Регента, утомлявших придворных до изнеможения. Все мужчины и женщины накладывали на лица румяна толстым слоем, так что под ним оказывалось почти скрыто нижнее веко, это считалось средством «придания взору огня». Буржуа перенимали моду у аристократов и тоже принимались румянить щёки.

Румяна являлись обязательным атрибутом жизни, так как XVIII столетие было эпохой наивысшего расцвета фальши во всех сферах жизни общества, и лица с самого нежного возраста было принято скрывать под «масками», создававшими иллюзию благополучия.

Переменчивая версальская мода заставляет щёки дам вспыхивать всеми оттенками. Пристрастие к румянам доводит людей до настоящего умопомешательства: принцесса Монакская румянится перед тем, как взойти на эшафот, а Генриетта Французская, внезапно скончавшаяся от быстротечной болезни, будет провезена в карете к месту вечного упокоения «накрашенной и нарумяненной» [7].

Макияж XVIII столетия (несколько слоёв пудры, румян и помад), а также рассыпанные по лицу мушки делали практически любое лицо вневозрастным. Нимфетки и бабушки красились одинаково и стремились к одним и тем же приключениям. Никого не смущало наличие у немолодых императриц - молодых любовников. Все женщины "считались" 20-летними!

Зрелые матроны, заказывая портреты, знали, что художник не станет рисовать морщины и мешочки под глазами. Буше и Фрагонару не был нужен фотопшоп - у них была розово-белая палитра. Люди боялись старости - она была для них временем, когда им будет попросту нечем заняться. Культ развлечений, царивший в XVIII веке, породил страх перед дряхлостью, поэтому наши знакомые императрицы так долго и не могли расстаться с мыслью о молодых любовниках.

Именно в XVIII веке сформировалась особая философия *childfree*. Поскольку ценились совсем юные особы (идеал - девочка, только что вышедшая из монастырского пансиона), то беременная дама, которая не может ни танцевать, ни кокетливо бегать вокруг боскетов, воспринималась, как *looser*-ша. Корсет шнуровали, даже будучи на 4-5 месяце! А на следующий день после родов тащились (иначе и не скажешь) на приём или на бал. В семьях французских и английских аристократов к середине XVIII века стало принято иметь по 1-2 ребёнка (родили наследника и - баста). И только в Пруссии деторождение имело едва ли не общеполитическое значение - там дворяне размножались исправно, поставляя королю всё новых и новых *Soldaten und Offiziere*.

Культ детскости служит одной из характеристик культуры уходящего абсолютизма. Возможно, он порождён именно этим закатом и увяданием, отражает старческую немощь, элементы вырождения правящего класса. Усталость проглядывает и в отходе от ренессансной цельности и гармонии человеческого облика. Появляется новый идеал красоты, ассоциирующийся с изысканным чувственным наслаждением. Нагота женщины более не кажется привлекательной. Она исчезает, сменяясь пикантной полуобнаженностью [8].

XVIII век питал склонность ко всему маленькому и изящному, что только можно было назвать таковым в стеснённом узкой одежде теле, которому приятную пухлость придавали потайные лубки и шины. В это время презирали крепкие мускулы и отдавали предпочтение округлому, полноватому телу, задрапированному в красивые ткани. Пышная грудь, пухлые ручки, бёдра, гораздо более широкие, чем плечи, полные икры – всё это сулило восторги сладострастия.

Взгляд должен был быть томным. Губки, окружённые мушками и кокетливыми ямочками, капризно надувались и жеманно улыбались. Ножка подчинялась требованиям остроносой туфельки.

Все неудобства, обусловленные кроем одежды и корсетами, все эти липкие румяна и белила, приводившие к успеху, венчавшемуся полными неги ночами, имели и неприятные последствия: усталость, испарину, общее недомогание, нервные припадки, анемию. Медицина того времени настоятельно рекомендовала прогулки и очищение организма при помощи кровопускания и клизм.

Галантный век, утомленный и пресыщенный собственной искусственностью, стремится «назад, к природе». Идиллические мотивы простой и естественной жизни на лоне природы звучат не только в призывах философов эпохи Просвещения. Они пронизывают весь быт того времени, приобретая различные формы стилизации: от пастушеской идиллии, когда пресыщенная аристократия разыгрывает пасторальные сюжеты и мнит себя свободной от уз светского общества, до серьезности физиократов, находящей отклик у образованной публики. Это — Мария Антуанетта, доящая коров и сбивающая масло в Трианоне, пасторальные картины Ф. Буше, ставшие чрезвычайно модными, а также деревенская жизнь, которой отдавалось предпочтение. Мечта о жизни на лоне природы, возникшая от столкновения с искусственным ритуалом, возмещала отсутствие наивности и простоты.

Однако от жеманства и манерности XVII в. высшее общество отказалось также бесповоротно. «Наш век значительно упростил всякие церемонии, и теперь только среди провинциалов можно еще встретить церемонного человека» — считают современники. Уже не расточают тысячи извинений за плохой обед, не уговаривают выпить ещё вина, не мучают гостей, упрашивая их спеть — всё это теперь присуще мелкой буржуазии. Светское общество проповедует лёгкость и изящество, которым учат, и делают это серьезно. Специальные учителя преподают молодому человеку искусство тонко улыбаться, грациозно нюхать табак, легко и красиво раскланиваться, интересно говорить и т.д.

К началу 50-х годов XVIII столетия в обществе ощущаются признаки этих перемен. Под влиянием энциклопедистов и драматургов увлечение всякой искусственностью сходит на нет. Общество отказывается от чрезмерно ярких красок и склоняется к естественному цвету лица, уже не кажущемуся ни нелепым, ни смешным. Врачи вырабатывают критерии, в соответствии с которыми одежда должна учитывать анатомические особенности тела. Сильнейшее воздействие на высший свет оказывают совместные «усилия» Марии-Антуанетты, привезшей из Австрии традиционное преклонение перед естественной красотой, и портретистки мадам Виже-Лебрен, создательницы стиля «небрежной элегантности», которые увенчались исчезновением румян со щёк придворных дам [9].

В моду входит бледность, но природная, а не приобретённая благодаря белилам. Тело привыкает к приёму ванн, вошедшая в моду умеренность в еде и питье возвращает ему девственно чистые краски, и обольстительная сила человека заключается теперь не в ловких ухищрениях, а в мечтательном выражении милого личика, в стремлении к искренности.

Требование правдивости и искренности, распространяется не только на сферу интимных чувств, но и на сферу общественных отношений и искусство. Яркая косметика эпохи барокко уступает место чистому лицу, а парикмахерские изыски, распространённые при дворе Людовика XVI, как и роковое очарование красавиц из романов маркиза де Сада, уходят в тень. Они отступают под напором требований естественности, которые будут ещё усилены провозглашением принципов всеобщего равенства.

Теперь незамутнённую чистоту могут потревожить лишь искренние слёзы. Добропорядочность гражданина предопределяется простотой костюма. Распространяются идеи того, что старый режим обманывал народ, скрывая истинный лик под слоем красок, и отныне только революционный пыл может заставить щёки пылать алым румянцем.

Таким образом, эталоны красоты, мода, стиль общения как нельзя лучше отражают любые перемены в обществе. За сменой «амплуа» зачастую скрываются философские, научные, экономические или политические подвижки. Неслучайно конец XVIII в., через смену

образов красоты, предчувствует революционную бурю.

Примечания

1. Хейзинга Й. Homo Ludens. – М., 1992. – С.174.
2. Козьякова История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от античности до 20 века. – М., 2002. – С. 272-273.
3. Мерсье Л.-С. Картины Парижа. – М., 1995. – С.273
4. Козьякова История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от античности до 20 века. – М., 2002. – С.274.
5. Цит. по: Эрланже Ф. Эпоха дворов и королей. Этикет и нравы в 1558-1715 гг./Пер. с англ. Т.В. Шестопал. – Смоленск, 2005. – С.209.
6. Блох И. История проституции. – М., 1994. – С. 288.
7. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – Киев, 1999.-С. 189.
8. Козьякова История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от античности до 20 века. – М., 2002. – С. 274.
9. Тарабукин Н.М. Очерки по истории костюма. – М., 1994. – С. 293.

ГЕНДЕРНОЕ ПРОЧТЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ХЭЙАН

В создании Хэйанской художественной литературы исключительную роль сыграли авторы- женщины, хорошо знакомые с китайской поэтической культурой, но менее связанные конфуцианским литературным каноном. Ранний период Хэйан (794 – 894 гг.) - важный этап в истории книжного искусства, он был ознаменован появлением японской письменности, что создало основу для расцвета книжного искусства. Поздний период Хэйан (894 - 1185 гг.) - одна из вершин японского книжного искусства. В деятельности так называемых «шести бессмертных» - шести знаменитых поэтов раннего Хэйан, из них в первую очередь - Нарихира, Комати и Хэндзё, созревают первые плоды хэйанской лирики, а в двух повестях «Исэ моногатари» и «Такэтори моногатари» закладываются первые основы для всей последующей повествовательной литературы. Обычно на раннем этапе отклонялись от описания реальной действительности. Одним из основных источников сюжетов для этой разновидности моногатари служили старинные предания, в частности, устные предания о богах и героях. Повествовательная литература выступает чаще всего под названием «моногатари» (повесть). Наиболее архаичны и демократичны дэнки-моногатари (волшебные повести), восходящие к сказочным сюжетам. Позднее возникают ута-моногатари т.е. повествования, разрастающиеся вокруг стихов как описание ситуаций возникновения тех или иных стихотворений. Крупный японский специалист по литературе раннего средневековья Акияма Кэн называет середину X века «эпохой ута-моногатари» [1].

Гендерный анализ произведений периода Хэйан, необходимо начать с образа Кагуя-Химэ, лунной девы из «Повести о старике Такэтори». Время создания повести в точности не установлено, однако уже в начале XI века её считали «прародительницей всех романов». Видимо повесть появилась в конце IX - начале X века.

«Не в наши дни, а давно-давно...» - каноническая вступительная форма японских сказок. С этих слов начинается и «Повесть о старике Такэтори» [2], сразу отодвигая в даль времён чудесные события, о которых она повествует. Лукавый и озорной автор дал своим комическим персонажам - неудачливым женихам - исторические имена реально существовавших принцев и высших сановников и, ставя их в смешные и унижительные положения, создал тем самым дополнительный комический эффект. Прекрасная Кагуя-Химэ задаёт женихам трудные задачи, чтобы узнать, кто из них её подлинно любит. Но её скрытая цель - отвергнуть их всех. Женихи должны добыть волшебные предметы, но поиски - мнимые. Все высокопоставленные женихи (за исключением Микадо) обрисованы самыми чёрными красками, это жадные, трусливые и жестокие люди.

Главная героиня, Кагуя-Химэ, возвращается в лунный мир, но сквозь её фантастический образ просвечиваются вполне реальные черты земной женщины. В древней Японии были сильны пережитки матриархата или, как принято называть данный период в гендерных исследованиях - эпохи равенства полов. Женщина в тот период обладала многими правами, которые мы подробно проанализировали в предыдущих главах. Кагуя-Химэ - настоящая героиня легенд и сказаний, возникших ещё в недрах «старинного рода». Девушка горда и независима, смелость её настолько невероятна, в более позднюю эпоху, что требует уже особой мотивировки. Она не хочет слушать самого Микадо. «А я не ставлю его слова ни во что» - говорит строптивая девушка к ужасу её приемной матери и готова скорее умереть, чем идти к нелюбимому. Царский чертог её не пленяет. Это потому, что она пришла из очень древней японской народной сказки. В Кагуя-Химэ воплощён народный идеал прекрасной и гордой женщины. Для неё не имеют значения придворные чины, знатность и богатство. В присутствии Кагуя-Химэ трусость не может надеть личину отваги, хитрость не может представиться прямотушием. Перед ней равны простой крестьянин и Микадо. Только подлинные человеческие достоинства привлекают внимание девушки. Она - воплощение справедливости, и в этом народность её образа. Столкновение между двумя мирами - земным и небесным - решается в пользу земли. Лунные жители прекрасны, но холодны, они лишены чувства сострадания и любви. «Не судите о том, чего вам понять не дано», - говорит им Кагуя-Химэ, с неохотой, против воли покидая землю [3].

Следующая героиня раскрывает всю свою женскую красоту благодаря прекрасному герою. «Повесть о прекрасной Отикубо» возникшая во второй половине X века, написана на всемирно известный сюжет сказки о злой мачехе и гонимой падчерице. В японском фольклоре известно много вариантов этого сюжета. Даже имя Отикубо - сказочное. Оно звучит по-японски так же, как звучит для нас «Замарашка», «Ослиная шкура». Такое имя играет роль своеобразной маски, оно призвано скрыть от людей прекрасный облик гонимой девушки, чтобы тем удивительней было в силу контраста её конечное преобразование. В «Повести о прекрасной Отикубо» нет уже волшебных-сказочных элементов, только «обыкновенное чудо» любви. Событиям даны реальные мотивировки, но они всё равно остаются невероятными, потому что подчинены иной правде, действующей в фантастическом мире народного вымысла, где всегда торжествуют добро и справедливость.

При этом, «Повесть о прекрасной Отикубо» рисует картины неслыханной роскоши, царившей во дворцах аристократов того времени. Положительные герои наделяются музыкальным талантом: они чудесно играют на флейте и цитре. Аристократы посвящали себя «искусству», любви и придворным интригам. «Повесть о прекрасной Отикубо» идеализируют хэйанский быт, но при этом, автор рисует неприглядную картину: всемогущий фаворит императора, брат его любимой жены, захватывает в свои руки всю власть в стране и правит государством по своему усмотрению в интересах одной семьи (во главе Японии долго стоял могущественный род Фудзивара; жёны императора, во всяком случае старшие жёны, были обычно из данного рода).

Героиня одарена дарами фей: чудесно играет на цитре, умеет слагать стихи, но главное - она добра и трудолюбива, так как, сквозь оболочку луноликой хэйанской красавицы явно просвечивают сказочные черты. Именно сказка награждает её любовью к труду и щедростью.

Совсем иные образы красавиц, их стиль жизни и положение в обществе мы наблюдаем в дневниках и произведениях женщин эпохи Хэйан.

«Век паутинки» («*Кагэро:-никки*») написан женщиной — матерью Митицуна — и отличается необыкновенной женственностью и безыскусным описанием женской судьбы. Именно она ознаменовала наступление эпохи женской прозы в японской литературе.

Женщинам из аристократических семей принадлежит заслуга необычайного расцвета японо-язычной литературы. И в центре, несомненно, стоят имена Мурасаки-сикибу, Идзуми-сикибу и Сэй-Сё:нагон.

Одним из самых удивительных творений хэйанской литературы была «Повесть о Гэндзи», которая была написана придворной дамой Мурасаки Сикибу в 1001 г. Т. Л Соколова-

Делюсина в своём комментарии к «Повести о Гэндзи» пишет, что хэйанские женщины были удалены от участия в общественной жизни, почти никому не показывались, а с раннего детства девочку уже готовили к будущей брачной жизни. Но это не касалось женщин, служащих при дворе, ежедневно участвовавших в праздниках, обедах или публичных чтениях сутр. В дневниках можно найти множество описаний придворного быта, манер, одежды дам и министров. А мотив тоски в дневниках часто был столь же формализован, как и приёмы и придворные сплетни [4].

Японская литературная критика по-разному рассматривает «Гэндзи – моногатари». Одни стараются усмотреть в этом романе ни более, ни менее как скрытую проповедь буддийского учения, особенно - идеи «причин и следствий», кармы, находя, что всё содержание «Гэндзи – моногатари» как нельзя лучше иллюстрирует именно эту идею. Другие стремятся видеть в «Гэндзи» дидактическое произведение, написанное в целях поучения и особенно назидания: как не следует поступать в жизни. Третьи считают, что «Гэндзи» - просто безнравственный роман, произведение почти порнографической литературы. Четвертые полагают, что «Гэндзи» - несколько замаскированная историческая хроника, описывающая действительных лиц, действительные события и действительную обстановку. Наконец, пятые провозглашают что «Гэндзи» есть произведение, написанное специально для выявления того своеобразного принципа японской эстетики, который выражается в формуле: «моно-но аварэ» - «чары вещей», что нужно понимать в смысле того очарования, которое всегда может быть вызвано искусным приёмом. Мурасаки Сикибу, автор знаменитой «Повести о Гэндзи» прикоснулась к хэйанской обстановке и показала читателю её очарование [5].

Мурасаки свидетельствует о выросшем самосознании самого писателя, который теперь прекрасно осознаёт всю значительность своей работы: для Мурасаки писание романа - уже не создание материала для развлечения скучающих в отдаленных покоях женщин, но работа над воссозданием картин человеческой жизни, и притом во всех её проявлениях: и хороших и дурных. «Гэндзи» рисует обычную жизнь. Не выбирая громких событий, показывает действительных людей, не стремясь изображать типы. Особый интерес в рамках заявленной темы представляют исследования Игараси «Гэндзи». В 25 главе говорится: «Да! Женщины рождаются на свет лишь для того, чтобы их обманывали мужчины». Как расценивать это замечание, задаётся вопросами Игараси? Сказывается ли здесь в авторе просто-напросто женщина? И притом женщина, на себе испытавшая справедливость этого заявления? Или, может быть, это - результат наблюдений вокруг себя? Или же, наконец, - основной колорит эпохи? Скорее всего - верно последнее предположение, верно исторически, и по связи с общими воззрениями автора на жанр романа. Сама Мурасаки была, конечно, женщиной в подлинно хэйанском смысле этого слова: достаточно прочесть её дневник, чтобы её понять. Но вместе с тем вряд ли к ней можно прилагать эту сентенцию в полной мере: она слишком серьёзна и глубока, чтобы быть всю жизнь только игрушкой мужчин: может именно потому, что ей было трудно сопротивляться этому, она «с вздохом за других» и делает такое замечание. Несомненно, окружающая саму Мурасаки среда давала немало поводов к такому умозаключению. Однако роман показывает, что круг её интересов был намного шире: она стремится описать не только своё интимное окружение (как в своём дневнике), но хэйанскую жизнь вообще. И берёт от этой жизни, жизни аристократки, наиболее характерное: любовь, взаимоотношения мужчины и женщины, стоит хотя бы бегло ознакомиться с хэйанскими моногатари, чтобы убедиться в этом, что эта тема – основная для всей повествовательной литературы этой эпохи. Начиная с первого произведения по этой линии – «Исэ-моногатири», кавалер и дама господствуют на страницах моногатари нераздельно. И этот факт объясняется не только литературными традициями и вкусами того времени: он обусловлен всей окружающей обстановкой [6].

Моногатари в огромном большинстве случаев рисует жизнь и быт господствующего сословия – хэйанской знати. Эта жизнь и быт в те времена, при наличии экономического благополучия и политического могущества были проникнуты насковзь началами мирной, «гражданской» (как тогда называли) культуры, то есть фактически началами гедонизма. В

этой насыщенной праздностью, чувственностью изящной образованностью среде женщины, естественно, играли первенствующую роль. Взаимоотношения мужчин и женщин становились в центре всего этого праздничного, обеспеченного, беспечального существования. Это центральное явление Хэйнской жизни стало основной темой повествовательной литературы. Поэтому, поскольку Мурасаки стремилась дать отображение жизни, она должна была отразить, прежде всего эту центральную проблему, причём так как она представлялась ей, как это действительно было: «Женщина – в руках мужчины» [7].

Мурасаки Сикибу определяет тематику: мужчина и женщина Хэйана – вот основная линия всего произведения.

Итак: жанр – реалистический роман; стилистика – вабун (японский язык и традиции); тематика – хэйанские кавалер и дама. Таковы три основные координаты «Гэндзи».

Когда-то, в царствование одного императора, во дворце жило очень много прекрасных придворных дам. Многие из них пользовались благосклонностью императора, но более всего эта благосклонность изливалась на одну - по имени Кирицубо. Она была не очень знатного рода, поэтому её соперницы никак не могли простить ей такого успеха и всячески старались извести её. Бедная Кирицубо под влиянием постоянных преследований и всех неприятностей, в конце концов, стала чахнуть и скоро умерла, оставив своему возлюбленному живую память о себе – прелестного сына Гэндзи. Маленький Гэндзи скоро стал любимцем и императора, и всех окружающих, даже недоброжелателей своей матери: так был он красив, умён, талантлив. При дворе пошли уже толки о том, что император, пожалуй, ещё отстранит своего первенца (от другой придворной дамы) и назначит своим наследником Гэндзи. Но вышло иначе: государь не пожелал подвергать своего любимца всем сложным и столь тяжёлым перипетиям такой высокой участи и предпочёл поставить его в ряды простых подданных. Двенадцать лет от роду Гэндзи был объявлен совершеннолетним и получил жену: дочь первого канцлера - Аои. С самого начала Гэндзи оказался не очень примерным супругом: он был слишком прекрасным для того, чтобы служить усладой только одной женщине. И он стал служить усладой многим. Вернее, сам искал улады в них.

Женщин могли подарить, продать, «передать» на попечение новому любовнику, насильно выдать замуж. Другими словами, в изучаемый период японка теряет многие свои былые права. Но при этом, ещё господствует вера в связь женщин с божественными силами, в том числе и возможность, прибегать к помощи силам зла. Женщины мстят, за свою преданную или неразделённую любовь, они наводят порчу, изменяют мужьям и покровителям и т.д.

Мурасаки всем ходом своего повествования подготавливает смерть своего героя. Всё свидетельствует о близком завершении его судьбы. Перед героем ещё раз проходят та весна, то лето, та осень, та зима, с каждой из которых у него связано так много в жизни, столько женских образов: ведь любовь у него всегда соединялась со специальным колоритом того времени года, когда она переживалась.

Особым источником для анализа заявленной являются дневники.

«Дневник эфемерной жизни» («*Кагэро:-никки*») - это произведение охватывает промежутки с 954 до 974 г. Правда, события, описанные в дневнике, не датируются, а упоминается один год — 972, на основании которого и были установлены все даты. Самая удивительная черта этого дневника — это необычайная женственность и откровенность описания несчастливой, по мнению автора, женской судьбы. Автор дневника — дочь правителя провинции Муцу, самой отдалённой, находящейся на Севере страны. Настоящее имя неизвестно, поэтому её называют дочерью Томоясу или матерью Митицуна, сына от высокородного вельможи Фудзивара Канэиэ. «*Кагэро:-никки*» повествует о тщетном ожидании Канэиэ, о разочаровании в его любви и решении навсегда расстаться с ним.

В дневнике упоминание буддийских служб и обрядов связано с целым рядом храмов, расположенных в окрестностях столицы. Мать Митицуна трактует постриг в монахи как один из способов избавиться от душевных мук, причиняемых изменами мужа. Она видит «уход из мира» как окончательный разрыв с жизнью, поэтому он ею (как и её сыном и мужем)

воспринимается как трагедия.

Героиня задумывалась об уходе в монашество, когда совершала обряд затворничества. Она обращалась к сыну: «Я было подумала, что мне лучше сразу умереть. Но как это отразится на тебе? Или поступить, как обо мне судачат в мире — стать монахиней? Чем совсем исчезать из мира, лучше уж так поступить. <...> Иногда я думаю: хорошо бы мне, приняв постриг, обратиться с просьбой к твоему отцу, оставшемуся в столице, но я вижу, что он человек ненадёжный, и всё думаю — и так, и этак» [8].

Здесь стоит немного подробнее остановиться на обряде затворничества, совершаемый героиней. В Японии считалось, что время от времени люди оказывались в оскверняющих ситуациях, коими могли считаться роды или смерть близкого человека. Для поддержания чистоты или очищения люди иногда выезжали в далёкие горные буддийские храмы, чтобы затвориться там и посвятить всё время чтению сутр и молитвам будде.

Мать Митицуна думает скорее о том, какое впечатление она сможет произвести уходом в монахини или долгим отшельничеством, нежели о молитвах и религиозной аскезе: «Вскоре я подумала, что избавилась от нечистоты, которая была во мне. Следовало возвращаться домой, однако в столице за это время распространилась молва, будто я изменила облик и приняла постриг. Я подумала, что возвращаться как-то нехорошо, и поселилась в доме на некотором удалении от храма» [9]. Она не ищет в религии благодати, то есть блаженного состояния, противоположного обычному бытию, и монашеской чистоты. Она принимает свою судьбу такой, какая она есть. Данная женщина, уйдя от жизненной суеты, олицетворяет жизненный путь многих современниц, которые по доброй воле, или насильно принимали постриг.

«Дневник Мурасаки-сикибу» («*Мурасаки-сикибу-никки*») описывает время пребывания Мурасаки-сикибу при дворе всемогущего Фудзивары Митинага. Книга может считаться одним из лучших источников информации о повседневной жизни средневекового двора, придворных дам, обычаев и традиций. Но это не столько дневник, сколько воспоминания о том, что волновало его автора. Он охватывает период с 1008 г. по 1010 г. Первая часть дневника подробно описывает рождение первенца у императрицы Сёси, дочери Митинага. Другая часть написана в форме письма к неизвестной подруге и содержит критические портреты придворных дам, что даёт основание судить о эталонах и их противоположностях женской натуры и бытия аристократок. Например, очень метко подмечены слабости дам Сэнси, которые считают себя лучше всех, на что Мурасаки отвечает: «Выискивать недостатки у других – легко, а себя сдерживать – трудно. Тот же, кто забывает о том и мнит о себе много, одних – умаляет, других – поносит, обнаруживает лишь собственную мелочность» [10]. Из дневника мы узнаём о семейной жизни хэйанцев. Например, в то время у аристократов практиковалось многожёнство. Но это совсем не походило на ближневосточный гарем – за исключением главной жены, остальные проживали отдельно. Муж посещал их только ночами. Аристократы шутили, что, как бы хороша ни была жена, одной явно недостаточно, ну а если плоха – тогда и двух хватит.

Сама Мурасаки предстаёт перед читателем как натура весьма чувствительная. Лишённая уверенности в завтрашнем дне, она предаётся размышлениям о непрочности бытия. Душа её ранима, а жизнь непоследовательна. В то же время Мурасаки обладает достаточной жизнестойкостью, чтобы адаптироваться к новым для неё условиям придворной обстановки. Дневник для неё служил важнейшим инструментом познания себя и людей, их окружавших.

«Дневник Сарасина» («*Сарасина-никки*») поражает полным отрицанием окружающей реальности. Автор дневника — девушка, живущая в грёзах о появлении в её жизни Принца Гэндзи. Интересен её очень субъективный взгляд на жизнь придворных и государя. Всё произведение проникнуто постоянным обращением к Будде, чтением сутр и совершением паломничеств в буддийские храмы.

Уже по первым фразам этого дневника можно прочувствовать настроение его героини: «Девочка, выросшая в тех дальних краях, где “кончается дорога на Восток”, и даже ещё дальше — какой же, наверное, я была дикаркой! И как только сумела я проведать о

существовании романов? Но вот ведь, провела и стала мечтать только о том, чтобы эти книги увидеть!» [11]. Литературный мир занимает девушку гораздо больше, нежели реальный. Переехав с семьёй в Киото в 1020 г., она большую часть времени занималась чтением, а свои мысли и мечтания она записывала.

Однажды во сне дочери Сугавары Такасуэ (другого имени девушки не сохранилось, а Сарасина — это название местности, которое в дневнике даже не упоминается) явился монах в жёлтом буддийском облачении, который сказал, чтобы та как можно скорей выучила наизусть священную «Сутру Лотоса». Но девушка не вняла совету монаха. Она писала: «В то время как я жила в стране своих грёз, иногда я посещала храмы, но даже и тогда я не могла молиться, как другие, с чистым сердцем. В те дни люди учили наизусть сутры и начинали соблюдать все религиозные обряды, начиная с семнадцати или восемнадцати лет, но я ещё даже не могла и помыслить о таких вещах. Единственное, о чём я могла думать, был Светлый принц... » [12].

В 1040 г. она стала второй женой тридцативосьмилетнего чиновника из провинции, и у них родилось двое детей. Семейные хлопоты несколько отдалили дочь Такасуэ от романов и мечтаний, а после смерти мужа у неё появилась тяга к религии. Последний этап жизни, описанный в дневнике, можно назвать религиозно-мистическим.

О своей жизни писательница рассказала только в 1060 г., будучи уже автором четырёх повестей. Дневник писался частично по памяти, а частично по сохранившейся переписке. Возможно, что после окончания дневника дочь Такасуэ удалилась в тихую горную обитель и закончила жизнь в смиренных молитвах будде Амида.

Творение Сэй-Сёнагон - «Записки у изголовья» [13] («Макура-но со:си») — это не совсем дневник. Это *дзуйхицу*, самобытный жанр японской прозы, основным принципом которого можно считать полную свободу написания, вне рамок заданного сюжета, «следование за кистью».

Предположительно, Сэй-Сёнагон родилась в 966 г. Её точного имени неизвестно, а Сэй-Сёнагон — дворянское прозвище. Писательница происходила из довольно знатной, но не очень богатой семьи. Девочкой получила неплохое образование, познакомилась с китайской литературой, изучила японское поэтическое искусство под руководством своего отца. С детства она также приучалась к миру буддийской религии, читала священные книги, учила наизусть сутру Лотоса. Но в храмах она любовалась красивыми обрядами и часто подмечала смешное и нелепое в поведении проповедника и людей, пришедших в храм.

Сэй-Сёнагон поступила на придворную службу в свиту императрицы Садако, когда ей было уже около 30 лет. Вскоре императрицу постригли в монахини, а её дворец сгорел, поэтому она становится для писательницы образом печальной изгнанной красоты. Саму Сэй-Сёнагон, ироничную и наблюдательную, обвинили в сговоре с врагами, потому она покидает службу во дворце.

«Записки у изголовья» являются ценнейшим источником информации о жизни, быте, манерах, праздниках, религиозных обрядах эпохи Хэйан. В данном произведении характеризуется адюльтер, правила любовной игры и измены. В размышлениях о «редких вещах» Сэй-Сёнагон, отмечает, что нет тестя, который хвалит зятя; нет невестки, которую любит свекровь. При этом отношения между мужчиной и женщиной, она характеризует быстротечностью и непостоянством. Отвечая на свой вопрос «Что близко, хотя и далеко?», она отвечает — что это связь мужчины и женщины. Такие чувства, как ревность, упрямство, непокорность — недопустимы для дамы, их обладательница теряет «цену», как и женщина в старости.

«Непрошенная повесть» Нидзё, придворной дамы и фаворитки экс-императора Го-Фукакусы (1243-1304 гг.), написанная сто с лишним лет спустя после окончания эпохи Хэйан. Повесть тем не менее создана целиком в русле хэйанской литературной традиции, наглядно свидетельствуя, как велико было влияние этой культуры на всё последующее развитие японской литературы. Дональд Кин в своём произведении «Странники в веках», посвящённому дневниковому жанру в японской литературе, так пишет о «Непрошенной

повести» (или «Признании госпожи Нидзё:»): «Ни один дневник, написанный придворной дамой, не ошеломляет и не шокирует так, как «Признания госпожи Нидзё:». И действительно, это творение поражает искренностью и простотой, с которой Нидзё: описывает свою жизнь и японский двор XIII в. Здесь переплетены грех и невинность, интриги и религия, бытовое и священное.

Дневник описывает события с 1271 г. по конец XIII в. «Непрошенная повесть» состоит из пяти свитков, но логических частей можно выделить две: первая (1, 2 и 3 свитки) посвящена светской жизни Нидзё:, вторая (4 и 5 свитки) часть описывает её жизнь уже буддийской монахиней, постаревшей и одинокой. Но на протяжении всей жизни судьба Нидзё: складывалась несчастливо. Ей было всего 15 лет, когда умер её отец, в 16 лет умирает её ребёнок, рождённый от отрёкшегося императора Го-Фукакусы. Конечно, Нидзё: старались поддерживать и родственники, и любовники, и сам Го-Фукакуса, который с детских лет был другом её отца, а ей — наставником и даже другом. Но девушке поневоле пришлось стать послушной и зависимой от прихотей бывшего императора и всего двора.

Жизнь Нидзё очень изменила её любовь к монаху Ариакаэ, который был настоятелем храма Ниннадзи — одного из великих храмов школы Сингон в Киото. Нидзё: даже пыталась разорвать зашедшие уже слишком далеко отношения с настоятелем, но сам император попросил не мучить монаха равнодушием. Нидзё родила ему двоих детей.

Нидзё всегда была страстной натурой. Поэтому даже уход в монахини, служения Будде и паломничества не изменили её саму. Он просто перешла из одного социального статуса в другой, что было в принципе типичным, ведь монашество было обычным финалом для многих женщин в эпоху Хэйан.

Таким образом, подводя итоги проделанному анализу, можно отметить, что источники художественного характера, дают широкую панораму гендерного дисплея эпохи Хэйан. Именно на литературном поприще женщины смогли проявить все свои чувства и талант. Образованные, начитанные аристократки смогли запечатлеть мировоззрение людей своей эпохи, отразить их духовный мир, а главное — наглядно передать систему эстетических взглядов.

Примечания

1. Конрад Н.И. Очерки японской литературы: статьи и исследования. - М., 1973. -С.174
2. Повесть о старике Такэтори // Луна в тумане. Японская классическая проза / Пер. с япон. И.Л.Львовой - М., 1988. - С.15.
3. Там же: с.28
4. Мурасаки-сикибу. Повесть о Гэндзи. - М., 1992. -С.6.
5. Конрад Н.И. Очерки японской литературы: статьи и исследования. - М., 1973. -С.217.
6. Конрад Н.И. Японская литература от «Кодзика» до Токугава. - М., 1997. -С.167.
7. Мурасаки-сикибу. Повесть о Гэндзи. - М., 1992. -С.209.
8. Митицуна-но хаха. Дневник эфемерной жизни (кагэро никки) / Пер. с япон. В.Н.Горегляда. - СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. -С.64.
9. Там же: с.128
10. Там же: с.110
11. Сарасина Никки. -СПб., 1999. -С.41.
12. Там же: с.45.
13. Сэй-сёнагон. Записки у изголовья. Камо-но Тёмэй. Записки из кельи. Кэнко-хоси. Записки от скуки / Пер. со старояпон. Т.Григорьевой. - М., 1988.

ЭВОЛЮЦИЯ ФАВОРИТИЗМА ВО ФРАНЦИИ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Фаворитизм, как неизменный спутник абсолютизма - одновременно с ним зарождается и развивается, совершенствуется, достигая своего апогея и затухая. То есть это явление, несмотря на ряд общих закономерностей, все же с течением времени постоянно

видоизменялось. Поэтому мы проследим эволюцию французского фаворитизма в контексте истории абсолютизма, что также позволит выявить нам особенности фаворитизма в период правления определённого монарха, а это в свою очередь даст нам более глубокое понимание природы фаворитизма.

Фаворитизм в годы правления Генриха IV

Генриха IV в современной историографии по праву считают основателем абсолютной монархии во Франции, а первым «официальным» политическим фаворитом называют герцога де Сюлли. Но этот фаворит располагает еще слишком незначительными полномочиями. Фаворитизм только формируется, поэтому «избранник короля четко знает свое место» [1]. Это выражается в том, что де Сюлли не столь открыто демонстрирует свою силу, основанную на дружбе с монархом, он демонстрирует ещё сословное уважение к старой аристократии, а его стремление принимать участие в решении «судьбы Франции» выглядят крайне неуверенно в сравнении с его «последователями» [2].

Женский фаворитизм в начале своего эволюционного развития также был своеобразен. Любовницы Генриха IV - Габриэль д'Эстре, Диана д'Андуэн еще не имели власти метресс «короля-солнца», «Возлюбленного Людовика XV». Они служили лишь для улады. Кроме того, в связи с тем, что в обществе ещё не восторжествовала мораль галантного века, их статус во дворце вызывал осуждение, а поэтому каждую из них не удовлетворяло положение фаворитки, метрессы стремились (или по крайней мере мечтали) узаконить свои отношения с монархом, то есть занять место королевы. Причем Генрих IV сам во многом своим поведением культивировал надежды своих фавориток, что опять можно объяснить не только индивидуально-психологическими особенностями короля, но и ещё сильным влиянием средневековой морали, культа брака. Поэтому в эпоху Генриха IV брак - важная ступень для занятия должного положения при дворе, и даже при занятии места метрессы, в связи с чем король был «озабочен» тем, чтобы его «избранницы» в конечном счёте связали себя официальными брачными узами с представителями его окружения [3].

Фаворитизм при Марии Медичи

В годы регентства Марии фаворитизм быстро стал набирать обороты, так как положение женщины на троне было очень шатким. Чтобы быть уверенной в завтрашнем дне, Мария стремилась с помощью дорогих подарков купить верность придворных.

Но королеве не хватало остроты ума, она воспитывалась, чтобы быть добропорядочной женой при короле, она не могла править единолично. И поэтому в фавориты к ней попадало много людей, не способных ей помогать править государством, а озабоченных только личным обогащением. К их числу относятся врач королевы Дюре, отъявленный интриган адвокат Доле. Именно при Марии Медичи фаворитизм превращается в заметную силу, которая, не являясь составной частью государственной системы управления, тем не менее, играет важную роль в управлении государством. Благодаря политике королевы Марии в отношении фаворитов, при дворе расцветает система родственного покровительства, а казна и состояние Франция активно «растаскивались» фаворитами и их родственниками. При этом этот процесс приобрёл такой широкий размах, что прежний фаворит короля де Сюлли сам поддал в отставку, чтобы не видеть, как безобразно расходуются казна на любимчиков Кончини и прочих авантюристов [4].

Людовик XIII и кардиналы-фавориты

Важные изменения, связанные с фаворитизмом во Франции происходят в годы правления Людовика XIII, это в первую очередь связано с тем, что главными фаворитами становятся кардиналы - Ришелье и Мазарини.

Возникает закономерный вопрос: почему же именно в это время монаршие особы обращают свое внимание на лиц церковного сана?

Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, заключается в том, что французский абсолютизм вступил в завершающую стадию своего развития. В связи с чем король в это время очень нуждается в поддержке церкви, которая во-первых, может обеспечить монарху легитимность его устремлений к единовластию, а во-вторых, церковь с её стремлением покончить с

гугенотами во Франции может способствовать уничтожению политических противников короля под видом борьбы с гугенотами, то есть в целом мы видим обоюдостороннюю заинтересованность в союзе короля и церкви.

Кардиналы становятся верными друзьями монархов и получают от них деньги и власть. Так, в 1624 г. Людовик XIII призвал в Государственный Совет Армана Ришелье, чуть позже он стал первым министром. А в 1643 г. первым министром стал Мазарини. При этом последний является примером того, как один фаворит передает своё место и власть другому, так как, во-первых, на смертном одре Ришелье сам назвал имя своего приемника, а во-вторых, Мазарини на момент смерти своего наставника вообще не обладал ни каким духовным саном.

При Людовике XIII фаворитизм как социально-политическая система вступает в завершающую стадию своего формирования. Теперь фавориты занимают свою нишу около покровителя. Их лозунгом становятся слова «все на благо государства и короля» [5].

Но в своих сочинениях Ришелье настаивал, чтобы королевские функции делились между монархом и первым министром.

Таким образом, пик могущества фаворитов пришелся на первую половину XVII века, когда абсолютизм уже существовал, но еще не до конца окреп. Именно в это время фавориты обладают колоссальной политической властью, делят ее с еще не совсем ставшим самостоятельным монархом.

Фаворитизм при Людовике XIV

«Франция - это я!» Так высокомерно говорил о своей особе Людовик XIV. Этот король ставил себя во всем выше всех, оправдываясь божественным происхождением.

Именно в долгие годы правления «короля-солнца» абсолютизм во Франции достиг своего апогея. Теперь политическими фаворитами становились верные министры, которые только благодаря своим колоссальным умственным способностям, большой работоспособности получали расположение короля и финансовую поддержку.

Такими скромными фаворитами при Людовике XIV были министры Фуке и Кольбер. Они хорошо усвоили смысл фразы короля, сказанной о Мазарини: «Министр, который любил меня и которого любил я... оказал мне огромные услуги, но его мысли и образ действий были по природе отличительными от моих... иначе и быть не могло!» [6].

Поговаривали, что сам Мазарини почти «приказал» Людовику после его смерти взять бразды правления в свои руки. Поэтому неудивительно, что, создав Госсовет, король заявил: «Я пригласил вас, чтобы сказать, что теперь пришло время взять все бразды правления в свои руки. Теперь от вас зависит «исполнять мои желания» [7].

Изменился и характер женского фаворитизма. Главными метрессами короля считали трех женщин: маркизу де Ла Вальер, де Монтеспан, де Монтенон. Каждая из этих женщин была вознесена на вершину славы, но роль их сводилась к обеспечению досуга для короля и продвижения своих протеев.

Людовик XIV так говорил своим придворным: «Я всем вам приказываю, если вы заметите, что женщина, кто бы она ни была, забирает власть надо мной и мною управляет, вы должны меня об этом предупредить. Мне понадобится не более 24 часов для того, чтобы от нее избавиться и дать вам удовлетворение», «Время, которое мы отдаем нашей любви никогда не должно наносить вреда нашим делам» [8].

Таким образом, все фаворитки короля получали выгодные должности, титулы и звания для своих родственников и друзей, возвышали одних, изгоняли других. Но реальное и продолжительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны оказывали косвенное.

Фаворитизм при Людовике XV

Человеческие слабости помешали Людовику XV, несмотря на все положительные качества, последовать примеру своего предшественника и сосредоточить своё внимание на управлении государством. Его правление можно считать временем расцвета французского фаворитизма, именно при Людовике XV фаворитизм окончательно приобрёл в завершённом виде те черты, характеристику которых мы давали выше.

Расцвету фаворитизма во многом способствовали изменения, которые произошли в

области общественного мировоззрения и в отношении общества к фигуре короля. Особенно эти изменения заметны в отношении женщин-фавориток.

Главной целью в жизни для Людовика XV была страсть к женщинам. Поэтому его прозвали «возлюбленным». При нём фаворитки стали слишком вольными, постоянно вмешивались в политические интриги при дворе, а попутно с этим усиленно разоряли казну, удовлетворяя свои различные прихоти, а король вынужден был прибегать к новым налогам. Естественно, что в условиях всеобщего обнищания, усугубившегося неурожайными годами, народная ненависть к фавориткам вспыхнула с новой силой.

Так, когда при странных обстоятельствах умерла мадам де Вентимиль, одна из избранниц короля, то произвели вскрытие. Когда операцию закончили, священники и врачи оставили тело на поечение лакеев, те же бросив труп на операционном столе, отправились в ближайший трактир, узнав об этом толпа наводнила дом, набросившись с проклятиями и насмешками на тело королевской любовницы [9].

Досталось и другой метрессе, мадам деля Турнель, которую во время её отъезда из Меца в Париж собравшаяся толпа забросала камнями и гнилыми фруктами [10].

Таким образом, мы можем отметить, что в течение двух веков существования французского абсолютизма происходило изменение роли и функций фаворитов.

Главная закономерность, которую можно проследить, следующая - чем сильнее становилась абсолютистская власть во главе с властным монархом, тем должность фаворита становилось прозрачной, а фигура фаворита становилась второстепенной.

То есть фаворитизм и абсолютизм как два брата-близнеца не могли друг без друга, но при этом, когда усиливается один, другой остается в его тени.

Фаворитизм как любое историческое явление имеет положительные и отрицательные стороны.

В качестве положительной стороны фаворитизма можно назвать то, что многие фавориты (Ришелье, Мазарини, Фуке, Кольбер, Флери и т.д.) внесли заметный вклад в развитие Франции. Они стали главными помощниками монарха, идеологами неограниченной королевской власти, делали все, чтобы укрепить государство внутри, подавить оппозицию старой аристократии и добиться для Франции самого выгодного внешнеполитического положения. Например, два мирных договора - Вестеральский и Тиренейский увенчали дипломатическую деятельность Ришелье и Мазарини, а Кольбер в 1667 г. стал автором «Приказа, касающегося реформы юстиции», где подробно описал уголовный процесс и его разрешения, эта работа имела долгую практическую значимость.

Многие фавориты стали учителями для своих молодых покровителей. Например, «верховным наставником Людовика XIV был Мазарини. Он строго требовал от учителей начать очень рано занятия латынью, заставлять помногу раз зубрить сложные тексты. Мазарини не хотел делать из своего подопечного педанта, а не торопясь, тщательно подготавливал молодого короля к управлению государственными делами» [11].

Кардинал ввел его в тонкости дипломатии и в многослойные проблемы военного дела. Он пробудил в нем любовь к искусству и желание быть меценатом. Мазарини, рано побудил юного короля принимать участие в заседании Госсвета. И довольно скоро оказался доволен результатами своего ученика.

С помощью меценатства фавориты внесли значительный вклад в развитие культуры, науки и искусства Франции. Так Ришелье стал меценатом поэтов, сам писал стихи и пьесы, основал знаменитый еженедельник «Gazette de France».

Однако наиболее активной из всех фавориток оказалась маркиза де Помпадур. Она является даже автором особого стиля интерьера, в котором помпезность, монументальность сменились уютом и комфортом. После нее осталась Севрская фарфоровая мануфактура. Говорят, что маркизе было ужасно обидно, что фарфор делают только в Майсене, и Помпадур вложила немало денег в производство фарфора на своей родине. При «оленьем саде» она же организовала типографию, где печатались работы Вальтера, Корнеля, Плебийона. По ее инициативе на Марсовом поле было основано Эколь-Милитер - одно из старинных учебных

военных заведений во Франции.

Несмотря на то, что фаворитизм принёс в историю Франции некоторые положительные моменты, особенно как мы показали в развитие французской культуры, в целом он имел достаточно негативные последствия для Франции.

Фавориты забирали из казны огромные средства и были немаловажной причиной постоянного дефицита бюджета страны, из-за их постоянно растущих «аппетитов» постоянно увеличивалось налогообложение крестьян, низы страны жили в нищете. Так «нужды фаворитки Помпадур стоили казне 36 924 140 ливров». А на организацию пресловутого *parc aux cerfs* (сад оленей), на пополнение его новым, свежим товаром было потрачено несколько сот миллионов ливров [12].

Не дешевле обошлись Франции незаконные жены Людовика XIV. Расходы на поместье маркизы де Монтеспан в Кланьи составляли 405 тысяч ливров. Для сравнения: в то время бюджет французского флота был 12,5 млн. ливров в год.

Непродуманные кадровые перестановки, которые зачастую совершали не очень разбирающиеся фаворитки, не имея достаточно знаний, руководствуясь лишь симпатией, интуицией, желанием приводили к тому, что порой важные посты получали люди недостойные, некомпетентные, а толковых, волевых служащих увольняли.

Так, Помпадур добивалась назначения своих фаворитов на госпосты и даровала им монаршие отличия, поощрения и пенсии. Поскольку сама она не могла судить об их талантах, она без различия продвигала льстецов, способных и неспособных.

Фавориты, купавшиеся в роскоши, часто грязли в разврате, интригах, сплетнях, сомнительных сектах. И тем самым подавали самый плохой пример окружению, способствовали падению нравов. Это характерно в основном для женщин-фавориток. Каждая метресса фактически продавала себя за высокое положение, большие средства.

В эпоху, когда продажными было большинство женщин, не менее продажными становились и мужчины. Это мужья, соглашающиеся на роль любовницы для жены. В итоге везде царит «культ продажности», рост проституции, расшатывание основ брака [13].

Таким образом, фаворитизм имел как положительные, так и отрицательные последствия. Однако фаворитизм нельзя недооценивать, отводить ему место среди анекдотов и пикантных историй. Ведь это часть государственного устройства эпохи абсолютизма, которая оставила значительный след в истории. Звезды великих дипломатов, реформаторов, деятелей культуры зажигались именно благодаря этому институту фавора.

Но и переоценивать роль фаворитов нельзя. Чтобы не случилось, временщики оставались лишь исполнителями высочайшей роли монарха, его преданным слугой, полностью зависящим от королевской благосклонности.

Примечания

1. Фомин С.А. Французские короли и императоры. - Ростов-на-Дону, 1997. -С.199
2. Эрланже Ф. Эпоха дворов и королей. Этикет и нравы в 1558-1715 гг./Пер. с англ. Т.В. Шестопал. – Смоленск, 2005. –С.64
3. Тэннэхилл Р. Секс в истории / Пер. с англ. А.И. Блейз. – М., 1995. –С.217.
4. Мокроусов А. Страсти власти: Мария Медичи - вся жизнь как заговор // Новое время. 2000. № 25. - С. 18.
5. Бестужева-Лада С. Неразгаданный кардинал - Арман Жан Дю Плесси - герцог и кардинал Ришелье // Смена. 2000. № 6. - С. 70.
6. Цит по: Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. - М., 1991. –С.25.
7. Там же: с.52
8. Эпоха Людовика XIV в воспоминаниях современников / Сост. Т.В. Шестопал. – Смоленск, 2005. – С.198.
9. Эрланже Ф. Эпоха дворов и королей. Этикет и нравы в 1558-1715 гг./Пер. с англ. Т.В. Шестопал. – Смоленск, 2005. –С.244.
10. Блуменау С.Ф. Людовик XV // Вопросы истории. 2000. № 9. -С.69.
11. Ивонина Л.И. Джулио Мазарини // Вопросы истории. 2004. № 5. - С. 94.
12. Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: галантный век / Пер. с нем. - М., 1994. –С.20.
13. Там же: с.376.

СЕГРЕГАЦИЯ ЖЕНЩИН-МУСУЛЬМАНОК В ПРИВАТНОЙ СФЕРЕ: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

По ряду причин во многих мусульманских странах возобладала модель светского государства. Это, безусловно, расширило права женщин в общественной жизни. Но одновременно эти преобразования оттеснили шариат в сферу частной жизни, и без того сильно консервативную и медленно изменяющуюся в силу восточного менталитета и традиционализма.

Поэтому, без всяких сомнений мы можем утверждать, что сегрегация на бытовом уровне остаётся ярко выраженной, и поддерживается силой традиции и ценностями, которые складывались на протяжении многих веков. Частная сфера – это первый уровень, который необходимо преодолеть женщине, решившей реализовать себя вне дома. Неслучайно, нами была выделена взаимосвязь свободы мусульманки со статусом её семьи, образованием и взглядами родственников на женский вопрос. Нельзя отрицать и территориальную специфику: городская семья, как правило, более либеральных взглядов, чем семья в сельской местности, где сам экономический уклад подпитывает патриархальную иерархию. Но даже самая либеральных взглядов семья будет создавать собственные ограничения исходя из священного писания, поэтому элементы сегрегации, которые вовсе не обязательно считать проявлением угнетения женщин, будут присутствовать как естественный элемент жизни правоверных.

Согласно Корану и другим наставлениям жене рекомендуется соблюдать определённые правила: не выходить из дома, не испросив на то разрешения мужа, а также не впускать кого-либо к себе в дом; выполнять без всякого принуждения все обязанности хозяйки дома, своё настроение согласовывать с настроением мужа: когда он весел, и она должна сохранять весёлое расположение духа, когда он печален, жена должна своим настроением выражать участие к заботам и огорчению мужа; довольствоваться теми средствами и удобствами жизни, которые доставляет ей муж; в случае смерти мужа носить по умершему траур, и если она желает встретиться с умершим супругом в загробной жизни, то не должна вторично выходить замуж и оставаться вдовой до конца жизни [1].

Какие же элементы гендерной сегрегации присутствуют в приватной сфере?

Ислам устанавливает строгие правила отделения женщин в быту, в общественных местах от посторонних мужчин. Это конкретное воплощение концепции “харама” - запретности, хранимости, заповедности женщины от общения с мужчинами, не состоящими с ней в близкородственных отношениях, привело в мусульманских странах к так называемому женскому затворничеству, обозначаемому арабским словом “аль-хиджаб” (букв. “затвор”, “ширма”). Этим же понятием арабы обозначают лицевое женское покрывало. Хотя в исламе так и нет чёткого определение хиджаба. Например, в книге “Столпы ислама и веры” (автор – Мухаммад Ибн Джамиль Зину) женское покрывало – хиджаб – трактуется как одежда, закрывающая всё тело, включая лицо и кисти рук. Некоторые исследователи ислама говорят, что в принципе разрешается открывать лицо и кисти рук, но в связи с развращённостью общества лучше и их закрывать [2].

Фактически институт затворничества - изобретение не ислама. Арабы заимствовали его у своих северо-западных соседей - византийцев (которые сами унаследовали его у древних греков). В семьях византийской знати девочкам с раннего возраста не разрешали играть вместе с мальчиками. Их обучали не в школах, а дома, как правило, рукоделию, приготовлению пищи, уходу за будущим мужем. Как утверждает Д.Е. Еремеев “не ислам изобрел отделение женщин от посторонних мужчин... вряд ли такой обычай мог родиться среди аравийцев, кочевников-бедуинов по преимуществу. Затворничество женщин-обычай возникший среди горожан” [3].

Женщина вне дома не должна появляться с открытым лицом. Об обязательности для мусульманки ношения ритуального покрывала – хиджаб, чадра, паранджа, чачван, хауля – в

Коране говорится: “О Пророк, скажи твоим жёнам, дочерям и женщинам верующих, пусть они сближают на себе свои покрывала. Это лучше, чем их узнают; и не испытывают они оскорбления” [сура 33, аят 59].

Требование носить женщинами покрывала восходит к более древним периодам истории. Так, в первом послании коринфянам Павла говорится: “Всякому мужу глава Христос, жене глава – муж... всякая жена молящаяся... с открытой головою, постыжает свою голову, ибо это то же самое, как если бы она была обритая, ибо если жена не хочет покрываться, то пусть и пострижется... Муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава божия; а жена есть слава мужа. Ибо не муж от жены, но жена для мужа. Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею, для ангела”. Воздушные цветные покрывала носили гречанки, христианки носили серые и чёрные покрывала.

Существует предположение, что обычай ношения покрывала мусульмане заимствовали у персов-зороастрийцев после завоевания Персии в середине VII века, те в свою очередь переняли обычай ношения покрывала ещё в древности у жителей Ассирии.

В зороастрийской религии главным является культ огня. А женщина-хранительница домашнего очага, - указывает Е. Вардиман, - считалась у зороастрийцев существом нечистым, и, чтобы не осквернять своим дыханием “священный огонь”, она должна была на рот и нос накладывать повязку [4]. Ритуальная повязка превратилась, таким образом, в покрывало, которое стали носить постоянно. К представлению о нечистоте женщины относится и поверие, по которому женщине будто бы нельзя входить с непокрытой головой в помещение, где лежит Коран.

Существует мнение, что покрывало и затворничество возникли уже при исламе. Историографы Корана могут исторически подтвердить время появления в Коране того или иного аята, также множество легенд в связи с требованиями носить покрывало мусульманками. Одна из легенд связана с возможной виной любимой жены Мухаммада Айши, которой, однако, удалось доказать свою невинность. По другой легенде, Мухаммад впервые закрыл лицо своей главной жене, чтобы не видеть как молодость и красота покидают её. В мусульманской литературе доминирует мнение, что хиджаб ввёл Мухаммад в интересах женщины, чтобы никто не смел оскорбить её достоинство, для укрепления её нравственной чистоты и чести. Дело в том, что в доисламской Аравии женщины ходили довольно вызывающе: с открытой грудью, увешанной украшениями, и Коран, призывая их к скромности и достоинству, повелел им сдвинуть на себе покрывало, покрыть голову и грудь, однако ни о какой парандже речи не идёт.

Все эти объяснения основаны на жёсткой мужской логике и как бы то ни было, требование носить покрывало основано на “комплексе Евы”. Слабый пол, легко поддающийся соблазну, должен “для ангела” покрывать свою голову, так как в Книге Бытия дочерей соблазняют ангелы, точнее – сыны божии [Быт. 6, 2 и сл.].

Тем не менее, в среду арабов покрывало проникло не сразу, что было обусловлено кочевым образом жизни. Обязательным атрибутом хиджаба стал сначала у городского оседлого населения. Покрывало считалось признаком знатного происхождения, и было распространено преимущественно среди арабской аристократии.

В Коране обязательность хиджаба вменяется непосредственно женам пророка, но мусульманские улемы обосновали его как атрибут ислама. Они утверждают, что жены это собственность мужа и посторонним нельзя созерцать чужую собственность. Начиная с XIV века обычай ношения покрывала и затворничества получили широкое распространение в мусульманском обществе. Пример с покрывалом свидетельствует о том, что ислам с самого своего зарождения обрастал чуждыми наслоениями, которые постепенно стали тождественны с ним.

Ношение покрывала способствовало ухудшению здоровья, как самих женщин, так и детей, которых женщины носили под покрывалом. Чадра негативно сказывалась, прежде всего, на зрении, она мешала так же женщине быстро ориентироваться на улице и не раз являлась причиной ушибов, несчастных случаев. Однако основной вред от ношения чадры -

социальный: он препятствовал активному включению женщин в общественную жизнь. Обычай ношения покрывала и затворничество, культивировавшийся со времен средневековья, - пишет М. В. Вагабов, - повлиял на психологию женщины, для которой снять покрывало означало нарушить обычай предков... Хиджаб представляется ей некой магической силой, лишение которой навлечет на неё и её семью несчастья. Ношение чадры соблюдалось только в городах и никогда не соблюдалось среди земледельцев и кочевников [5].

Неслучайно, мало кто из исследователей видит в исламской одежде красоту и изящество, для многих она связана, скорее, с чем-то мрачным и тяжёлым. Вместе с тем в разных мусульманских странах довольно разнообразно выполняются предписания Шариата о женской одежде. Например, удивительно красивы наряды индийских и суданских мусульманок. Дизайнеры многих стран разрабатывают модели, соответствующие не только Шариату, но и духу времени, требованиям современной жизни. При этом, бесправие и унижение женщин в некоторых мусульманских странах не основано на Коране и правдивой сунне Пророка Мухаммада, а во многом являются примером того, как старые языческие традиции, выдаются за ислам.

Предпосылки отделения мусульманки от мужчин начались складываться под иранским влиянием при аббасидских халифах с VIII века. Так в IX веке багдадский халиф Мутаваккиль (847-861) издал специальный указ об отделении женщин от мужчин на пирах и общественных торжествах. Но ближе к концу X века, в период упадка Аббасидского халифата, возникает система строгого затворничества и сегрегации полов. В это время расцветает институт наложничества, наблюдается падение сексуальной морали, стремление к наслаждению. Позиции и социальный престиж женщин резко снижается. Это хорошо прослеживается по памятнику средневековой арабской литературы “Тысяча и одна ночь”, где женщины выступают как олицетворение хитрости и интриганства, как вместилище низменных чувств и недалеких мыслей.

Во времена правления халифа Валида II (743-744) у мусульман появились гаремы (от арабского “харам” - недозволенное, запретное). Дома на арабском Востоке строились разделенными на две части - на мужскую (селмялик) и женскую (харам). На женской половине находились все женщины семьи с детьми, вход мужчинам в харам, кроме мужа был запрещен. Мужская часть дома была открыта для “чужих” мужчин, это была своего рода гостиная. Женщины хозяйского дома появлялись здесь обычно для обслуживания гостей, не привлекая к себе никакого внимания.

“На Востоке обладание гаремом, - пишет А. Массэ, - считалось неприменным элементом представительности (то есть престижа) правящих особ. Некоторые браки Мухаммад заключал, движимый соображениями политической выгоды, другие – скорее по сердечной склонности” [6]. Эту мысль развивает и отечественный востоковед Е. Беляев: “...большинство браков Мухаммада имело политическую подоплёку... жёны Мухаммада были взяты из племён, с которыми он вступал в союзнические отношения или подчинял своей власти” [7]. У самого Мухаммада как считается, в разное время было даже 15 жён, в год его смерти – 9 жён; пока была жива его первая жена Хадиджа, Мухаммад не брал второй жены.

В эпоху Сасанидов у Хосрова I (531-579) было 1 200 женщин, у аббасидского халифа Мамуна (813-833) гарем насчитывал 6 300 женщин, у персидского шаха Фетх-Али (1797-1834) было 158 жён знатного происхождения и более 900 наложниц, у шаха Наср-ад-Дина (1848-1896) – 1 200 женщин, турецкий султан Абдул-Хамид II (1876-1909) имел около 1 000 женщин в гареме.

Философ аль-Газали на примере Иисуса и Мухаммада объяснял, почему полигамия предпочтительнее моногамии или отказа от брака и почему пророк в отступление от правил мог иметь девять жён: “Спрашивают, почему благословенный Иисус остался неженатым, а у нашего пророка Магомета было столько жён, хотя оба они считали самым лучшим посвятить себя служению Богу; и ответ таков: лучше всего объединить и то, и другое, если избранный обладает для этого необходимой силой и величием. Наш многоблагословенный пророк получил такую силу и соединил преданность Богу с браком. Хотя у него и было девять жён,

он целиком отдавал себя служению Богу ” [8]. Сам Мухаммад как бы в своё оправдание произнёс такие аяты: “О пророк, мы разрешили тебе твоими жёнами тех, которым ты дал их награду, и тех, которыми овладела твоя десница из того, что даровал Аллах тебе в добычу, и дочерей твоего дяди со стороны отца, и дочерей твоих тёток со стороны отца, и дочерей твоего дяди со стороны матери, и дочерей твоих тёток со стороны матери... и верующую женщину, если она отдала самое себя пророку, если пророк пожелает жениться на ней... После этого тебе не дозволяется больше женщины и заменять их другими жёнами, хотя бы и поражала их красота, если не теми, которыми овладела десница твоя” [сура 33, аят 49].

Конечно, многожёнство было и остаётся доступным только очень зажиточным мусульманам. В идеале, по шариату, муж должен предоставить каждой из жён отдельное жилище (в “Хидая” говорится об обязанности мужа отвести жене отдельную комнату исключительно для её личного пользования, что бы никто из семейства мужа или посторонних не мог войти туда без её разрешения. Правда, эта комната должна была находиться под контролем. Муж имел право запретить своей жене принимать даже её родителей и родственников без его ведома, ибо её отдельная комната являлась его собственностью, вход в которую он может запретить любому, содержать их в достатке, хорошо обращаться с ними и соблюдать очерёдность посещения дома каждой жены. В большинстве же случаев мусульманин довольствуется одной женой. К тому же сегодня в арабских странах законы многожёнства соблюдаются не везде, к примеру, полигиния была запрещена или ограничена в Иордании (1951 г.), в Сирии (1952 г.), в Марокко (1958 г.), в Тунисе (1958 г.) и других государствах.

Некоторые историки, в частности египетский исследователь Мухаммад Кутб, объясняют возникновение многожёнства нехваткой мужчин, которые гибли в боях с неверными во время арабских завоеваний: “Нельзя же было лишать женщин права на семейную жизнь, хотя бы и разделённую с другими жёнами” [9]. Е.А. Беляев полагал, что арабские купцы, переезжавшие из города в город по торговым делам, заводили по жене в каждом городе, и в совокупности получался гарем [10]. Однако напомним, что ислам не установил институт полигинии, а напротив, Коран ограничил число законных супругов четырьмя.

Сегрегация женщин от мужчин проявляется и в мечете, где им по канонам ислама запрещено молиться вместе. Поскольку присутствие женщины как “нечистого” создания, по мнению богословов, оскверняет священное место.

Во второй половине XX в. духовенство пошло на уступки женщинам и выдвинуло идею “восстановления справедливости” и утверждения равенства с мужчинами в религиозной сфере. В некоторых мусульманских странах, таких как Египет, Сирия, Ливия, женщине так же представлено право молиться в мечетях. Для них выделены отдельные этажи мечетей, что вызывает ворчание не привыкших к нововведениям мужчин: “Ислам настолько повысил своё уважение к женщине, что в мечетях сажает их на головы мужчин” [11].

Что касается обычая затворничества, то он соблюдался в основном в богатых и аристократических семьях. Женщина могла покидать дом только с закрытым лицом и с разрешения мужа.

Таким образом, затворничество является одним из наиболее консервативных принципов мусульманской социальной доктрины. Идеалом большинства мусульманских обществ по-прежнему является заточение женщин.

Мусульманский институт затворничества дает о себе знать в мире последователей ислама и поныне. В последние годы усиливается деятельность исламских фундаменталистов, требующих возврата средневековых канонов затворничества. Так, в Иране, после прихода к власти Хомейни (1979 г.), всех женщин заставили вернуться к нормам средневекового затворничества. В наши дни в Иране и Саудовской Аравии женщину, появившуюся без хиджаба, могут подвергнуть публичному порицанию или даже арестовать.

Сохранение зависимого положения женщины, - отмечает Д. Массэ,- до сих пор воспринимается как лучшая гарантия против разложения общества. Многие мусульмане считают, что было бы опасно позволить женщинам нарушить их уединение и наслаждаться

большой свободой [12].

Но есть и силы, выступающие за реформирование брачно-семейных отношений, в том числе принципы затворничества, в духе современных цивилизованных отношений. Благодаря объективным общественным изменениям в арабских странах и борьбе женских организаций все больше женщин покидают домашнее затворничество и принимают активное участие в эмансипационных процессах. Хиджаб как знамя консерваторов постепенно уходит в прошлое.

Таким образом, ислам – как универсальная религия, сама по себе не подразумевает многих моментов сегрегации женщин, которые являются в большей степени отклонением от чистого ислама. В связи с этим имеются благоприятные объективные условия для пересмотра шариатских законов, направленных на улучшение положения женщин – мусульманок.

Примечания

1. Хидая (Комментарии мусульманского права) Т.1. - Ташкент. 1993. – С.71.
2. Лобачёва Н. Паранджа: ритуальный костюм или свадебная одежда? // Азия и Африка сегодня. 1995. № 8. - С. 75.
3. Еремеев Д.Е. Ислам. Образ жизни и стиль мышления. – М., 1990. –С.36.
4. Вардиман Е. Женщина в древнем мире / Пер. с нем. -М., 1990. –С.264.
5. Вагабов М.Б. Ислам и семья. – М., 1980. –С.109.
6. Массэ А. Ислам /Пер. с франц. -М., 1982. –С.97.
7. Беляев Е.А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. - М., - 1966. –С.60.
8. Амр ибн Бахр аль-Джахиз. Из Книги о хороших качествах и их противоположностях /Пер. с араб. Т. Деминой // Сад пленённых сердец (Классическая любовная проза Востока). -М., 1989. –С.78.
9. КУТБЛобачёва Н. Паранджа: ритуальный костюм или свадебная одежда? // Азия и Африка сегодня. 1995. № 8. - С. 72 -80
10. Беляев Е.А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. - М., - 1966. –С.186.
11. Женщина в исламе // Мусульманская газета. 1999. №1 декабрь. - С. 5.
12. Массэ А. Ислам /Пер. с франц. -М., 1982. –С.111.

ФАКТОРЫ, ПОВЛИЯВШИЕ НА ИЗМЕНЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО СТАТУСА ЖЕНЩИНЫ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

В конце XIX в., как и в предшествующие столетия, в социально-экономической и политической сферах доминировали мужчины. Хотя образ жизни представительниц отдельных социальных слоёв существенно различался, в целом европейские женщины оставались юридически неполноценными «гражданками» своей страны: так, их права на наследство и владение имуществом были серьёзно ограничены. Процедура расторжения брака также предоставляла множество преимуществ мужчинам, в результате чего за 200 лет парламент удовлетворил иски только четырёх англичанок, требовавших развода [1]. Наконец, женщины не участвовали в парламентских выборах, в деятельности правительства и т.д.

В то же время традиционные представления о существовании мужской и женской сфер деятельности в западноевропейском обществе входили в противоречие с действительностью. Стремительно разворачивающаяся в конце XIX в. промышленная революция в Европе создала необыкновенно благоприятную социально-экономическую конъюнктуру, потребовала широкого привлечения рабочей силы в различные отрасли хозяйства и, таким образом, вовлекла женщин в разрастающийся рынок труда.

Для подавляющего большинства женщин работа, как на дому, так и вне дома являлась необходимой частью жизни. Стремление найти работу диктовалось не только желанием женщины обеспечить семье дополнительный доход. Вследствие высокой мужской смертности, а также активной эмиграции мужчин брачного возраста женщины оставались в большинстве, и замужество для англичанок становилось серьёзной проблемой, в особенности для представительниц средних слоёв. Например, к 1870 г. из каждой тысячи женщин в возрасте от 20 до 25 лет, 652 оставались незамужними, а к 1901 г. эта цифра возросла до 726. Кроме того, существенно снизился и средний возраст вступления в брак до 25-30 лет [2]. В

итоге женщины оказались перед необходимостью поиска средств к независимому существованию, а многие вынуждены были самостоятельно растить детей.

В последней трети XIX в. западноевропейские женщины начали осваивать новые профессии, становились продавцами и машинистками, учителями в начальной школе, медсёстрами. Общая занятость в этой сфере выросла с 184 тыс. в 1871 г. до 562 тыс. в 1901 г. [3].

К тому же, к началу XX в. сформировался обширный слой специалистов средней квалификации, так называемых квази-профессионалов, в положении которых было немало общего с положением «низкой» интеллигенции. Вместе с тем, квази-профессии во многом шли по пути профессий, требуя и контроля за доступом новых членов, и их сертификации. Наиболее заметную группу в квази-профессиях составляли медсёстры, среди которых было много образованных женщин из семей священников, офицеров, врачей, торговцев. Средний курс обучения профессии медсестры был трёх годичным, после учёбы выдавался сертификат. Заработная плата медсестёр колебалась от 30 до 80 фунтов стерлингов в год. Это было меньше, чем у гувернантки из богатого дома, но социальный статус медсестры был выше]. В росте численности этой категории проявилось и стремление женщин к независимости и общественной полезности.

Сдвиги в половом составе профессий были общей тенденцией. На рубеже веков развернулось движение за университетское образование для женщин, совпадавшее по времени с суфражистским движением.

В первые годы XX в. британское общество находилось под впечатлением бурных кампаний сторонниц женского равноправия. Хотя движения женщин в пользу расширения избирательного права – суфражизм – успешно развивалось с середины XIX., появление новых феминистских обществ, исповедующих воинствующую тактику, придало ему новый импульс, поставило в ряд насущных политических проблем.

Политический экстремизм феминисток – наиболее яркое проявление глубоких кризисных процессов, характеризующих Англию в начале новейшего времени.

Главным признаком политики воинствующего суфражизма являлось демонстративное нарушение закона, и в этом состоит принципиальное его отличие от умеренного конституционного крыла женского движения. Перед первой мировой войной в Англии существовало несколько «боевых» суфражистских групп: «Женская лига свободы», «Женская лига сопротивления налогообложению», «Мужской политический союз за женское избирательное право» и др. Но наибольшую известность получил женский социально-политический союз, члены которого именовали себя «суфражетками» или «милитантками».

Начиная с 1906 г., члены женского социального и политического союза заимствовали насильственную тактику ирландского освободительного движения, в результате чего суфражетки устраивали взрывы и поджоги общественных зданий, бурные демонстрации, сопровождавшиеся стычками с полицией, атаковали государственные учреждения, а позже, когда власти стали арестовывать «нарушительниц общественного спокойствия», практиковали голодные забастовки. К 1913 г. в тюрьмах оказалось около тысячи женщин, пострадавших за свои убеждения. Многие доводили себя до глубокого истощения и подвергались принудительному кормлению. Массовый характер подобных акций повлёк принятие в 1913 г. так называемого «закона кошки-мышки», согласно которому ослабевших женщин освобождали из тюрьмы, а после того, как они восстанавливали свои силы, заключали под стражу снова. Однако в ответ на неуступчивость правительства, движение милитанток принимало самые крайние формы. Так, например, английскую общественность потрясла гибель участницы женского союза Эмили Вилдинг Дэвенсон в 1903 г., которая во время скачек бросилась навстречу мчавшейся лошади. Её похороны превратились в грандиозную демонстрацию [4].

В своих выступлениях милитантки апеллировали скорее к чувствам окружающих, нежели руководствовались системой рациональных идей и весомых аргументов, подобно конституционалисткам. Размышляя об особенностях идеологии воинствующего феминизма

начала XX в., австрийская исследовательница Сандра Холтон говорила о столкновении в европейской мысли «классического» и «романтического» типа видения мира.

Если суфражистки апологизировали социальный порядок, верховенство закона, рационализм, то суфражетки были убеждены, что путь к человеческому прогрессу лежит через разрушение и хаос, через революцию и социальное возрождение возможно только благодаря усилиям и воле выдающихся людей. «Возможно, ключевое понятие в мировоззрении Эммелии Панкхерст есть моральный императив, который, по её мнению лежит в основе каждой личности» и который отражается на человеческих взаимоотношениях. Безусловно, характер деятельности милитанок находился в прямой зависимости от образа мысли, ценностных ориентиров, общих представлений участниц движения.

Среди прочих обстоятельств, способствующих эволюции радикальных взглядов феминисток, а именно прогрессивное окружение, вовлеченность в политическую жизнь с ранних лет, достойное образование. В мемуарах активисток женского социально-политического союза акцент ставится на вдохновляющей роли чтения, большое внимание уделяется детским впечатлениям от прочитанных книг, которые отразились впоследствии на особенностях мировосприятия этих женщин. Чтение являлось частью общей культуры англичан викторианской и эдвардианской эпох. Общепринятым считалось убеждение, что чтение может оказать решающее воздействие на становление личности. Типичное тому свидетельство содержится в автобиографии суфражистки Эммелин Петвик-Лоуренс. Которая описывает свои переживания по поводу прочитанного в шестнадцать лет томика Карлейля: «Впервые в жизни я испытала удивительное чувство, когда отпечатанные слова оставляли страницу и проникали в кровь, заставляя сердце биться сильнее и уводя воображение в некую иную сферу существования» [5].

Например, чтение романов Ч. Диккенса сделала Сильвию Панкхерст сторонницей «дела народа и бедных». Среди самых любимых книг Эммелин Панкхерст – «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу, «Одиссея» Гомера и «Французская революция» Томаса Карлейля. Влияние последней книги она испытывала всю жизнь. Концепция Карлейля легла в основу мировоззрения лидера суфражисток. Отождествляющей своё движение с «женской революцией», которая даёт выражение стремлению к свободе – основу человеческому побуждению и двигателю истории [6].

Значительный прогресс в решении женского вопроса, наблюдавшийся в предвоенные годы, был достигнут с помощью традиционных методов конституционалисток, общественное мнение и даже парламент до 1906 года занимали в основном просуфражистскую позицию. При этом характерно, что чрезмерная агрессивность милитанток делала умеренность, конституционализма более привлекательным для новых участниц женского движения, и Национальный союз в последние годы перед войной численно значительно вырос. К 1914 году он насчитывал более 50 тыс. членов [7].

Решение женской проблемы затягивало и отсутствие реальной, осязаемой поддержки движения в правительстве и парламенте. Общество традиционно отвергало идею участия женщин в политике. Хотя многие тори позитивно решали вопрос о наделении правом голоса одиноких состоятельных женщин, либералы справедливо опасались, что эта мера усилит лишь консервативный элемент электората, и активно ей противодействовали. Видный либеральный политик лорд Эктон писал по этому поводу: "Все девицы и вдовы - тори, а также каналы, по которым распространяется клерикальное влияние" [8].

Непосредственная цель суфражистских организаций Великобритании - включение женщин в политическую систему на национальном уровне - была достигнута в 1918 году. Акт о народном представительстве распространил право голоса на замужних женщин старше 30 лет, допущенных к участию в местных выборах. Деятельность женских обществ на этом не прекратилась. После войны, частично реорганизованные, они направили свои усилия на достижение равного избирательного права.

В годы первой мировой войны в связи с экономической необходимостью женщины были вовлечены в сферы производства, считавшиеся ранее исключительно «мужскими». Так,

например, в 1918 г. женщины составляли 30 % занятых на производстве в обрабатывающей и добывающей промышленности, оставаясь при этом, как и прежде, менее оплачиваемой категорией работников по сравнению с мужчинами. Даже при выполнении аналогичной работы.

Первые послевоенные годы вошли в историю как время жесточайшей инфляции, захлестнувшей экономику Германии. В надежде снизить уровень безработицы правительство издало указ об увольнении с предприятий всех женщин, мужья которых имели постоянный заработок. Однако. Несмотря на попытки правительства «вытеснить» женщин из сферы профессиональной деятельности, к концу 1920-х – началу 1930-х гг. им удалось занять довольно устойчивые позиции в ряде отраслей промышленности и постоянно расширяющейся сфере обслуживания.

Несмотря на угрозу бомбёжки и нехватку продуктов, во время второй мировой войны женщины всё же умудрялись позволить себе удовольствие модно одеваться, часто самым изощрённым способом.

Британское правительство ограничило производство товаров. На страницах модных журналов надолго застряли слова «полезно» и «продажа ограничена». Сначала исчезли из свободной продажи шёлковые чулки, а в 1941 г. нормирование выражалось в том, что каждый взрослый получал только 60 купонов в год на покупку (женский костюм стоил, например, 18 купонов). В июне 1941 года было введено принудительное производство полезной одежды, обязывавшее производителей делать 85% одежды предписанного стиля и из определённых материалов (одежда должна была быть ноской, несексуальной).

Несмотря на эти лишения, женщины проявляли чудеса изобретательности. Шелковые и нейлоновые парашюты стали материалом, ловко используемым для дамских панталон, бюстгалтеров и ночных рубашек.

Мужчины были не единственными, кто носил униформу, особенно после введения в 1941 г. обязательной женской работы на фабриках, в сельском хозяйстве и в вооружённых силах. Дружинницы из «Земледельческой армии» носили форму, состоявшую из рабочих брюк из грубой хлопчатобумажной ткани, парусиновых гетров и зелёного вязанного жакета, а также шляпы без полей. Тогда многие женщины впервые надели брюки. Правительство сократило выпуск парфюмерной продукции на 75 %. Волосы мыли мылом. Большинство ограничений было снято только в 1949 г.

Вторая половина XX в. ознаменовалась дальнейшим увеличением активности женщин в общественной сфере. Рост занятости женщин в 1950-1960-е гг. был обусловлен, прежде всего, особенностями экономического развития Западной Европы, проходящего под знаком НТР. В условиях высокоразвитого индустриального общества возникла объективная необходимость в вовлечении женщин в трудовой процесс, в соответствии с этим количество работающих женщин значительно увеличилось. Так, в 1970 г. женщины составляли 35,9 % всего трудящегося населения ФРГ [9].

Представительницы женского движения стали открыто выступать против дискриминации женщин в тех странах, где различия полов проявлялись наиболее отчётливо в сферах трудовой деятельности, профессионального образования, где по-прежнему поощрялось следование стереотипным образцам и моделям социализации.

В условиях интернационализации всех сфер общественной жизни в 1970 гг. выступления женского движения имели большой общественный резонанс в Европе и США, о чём свидетельствуют, например, вышедшая в 1976 г. директива Европейского сообщества «О равноправии женщин в профессиональной сфере» и последовавшее за ней принятие конкретных мер по преодолению существующей дискриминации в ряде европейских стран [10].

Мощным фактором повлиявшим на гендерный дисплей западноевропейского общества во второй половине XX в. явилась сексуальная революция. Примечательно, что В. Райх в своей работе «Сексуальная революция» ещё в 1945 г. описал этот феномен. Социальная борьба между классами имеет своим основанием стремление больших масс людей высвободить

половой инстинкт из-под власти репрессивных социальных запретов. В отдельные исторические моменты это стремление достигает апогея, и тогда происходят социальные революции. Одной из составляющих которых становится разгул сексуальных инстинктов. Чтобы избежать социальных взрывов и разрушительных политических эксцессов, необходимо более внимательное со стороны властей отношение к половой сфере человеческого существования. Нужны существенные изменения в области половой морали и полового воспитания и прежде всего следует отказаться от традиционных патриархально-собственнических представлений о семье как факторе стабилизации социальной жизни. Требуется доктрина целенаправленной сексуальной политики, которая позволяла бы изменить нормативно-репрессивные структуры традиционных форм социальности и государственности, способствовала бы изгнанию и политических институтов и культурных форм духа гнетущей репрессивности [11].

Известная британская писательница Элизабет Джейнуэт так сформулировала свою задачу в написанной под впечатлением сексуальной революции книге: «Мир принадлежит мужчине, место женщины дома – это разделение так старо и так прочно укоренилось в наших умах и культуре, что производит иллюзию неизбежности и благооткровенной истины... Как это произошло и каково воздействие этого деления на устройство нашего общества – вот предмет этой книги, поскольку я ставлю своей задачей рассмотреть наши представления о женщинах и об их роли не для того, чтобы изучить женщин и определить приличествующее им место, а для того, чтобы исследовать наше общество, его представления и его динамику...» [12]. В результате, женщина и все стороны жизни, которые с ней связаны выходят на первый план и становятся достоянием общества. Женщины стали сниматься в кино, что также повлияло на моду.

Во время так называемого Золотого века кино Голливуд оказал более сильное влияние на моду, чем любые творения с подиумов Парижа. Забыть Шанель и Скьянарелли помогли богини кино, такие как Гарбо, Дитрих, Кроуфорд и Дэвис, которые в 1930-1940-х гг. заставили женщин спешить к парикмахерам, в косметические кабинеты или к швейным машинкам. Кумиры кино основали свои модные направления, и публика подражала своим героям.

Говорят, что любое продолжение – это лишь бледная копия оригинала. Однако мы брали, берём и будем брать фасоны с киноэкрана. К сер. 1950-х гг. огромное влияние дизайнеров Голливуда на моду пошло на спад, поскольку знаменитых создателей костюмов, таких как Эдит Хэд, просили скорее воссоздавать исторические фасоны, чем генерировать свои собственные новые идеи. Мода покинула Лос-Анжелес и вновь обосновалась в Париже. Вместе с тем крупные деятели кино стали приглашать дизайнеров из-за границы, чтобы добавить необходимый блеск в своём произведении.

Одним из условий повлиявших на моду XX в. были неформальные течения. Так молодёжные стили Британии с большим числом последователей сильно отличались друг от друга: «моды» любили изящные костюмы в итальянском стиле, парки и мотороллеры, в то время как и рокеры предпочитали кожу и цепи. Границы между «мужским» и «женским» фасоном были стёрты; главным было выглядеть современно. А современным считался минимализм. Актуальная одежда включала короткие римские пиджаки, брюки без отворотов, расклешённые до 50 см., остроносые туфли или сапоги, а также жёсткий белого цвета макинтош. Женщины носили спортивные очень короткие юбки, маленькие клубные пиджаки, они коротко стригли волосы.

Таким образом, в XX в. сложились объективные условия, которые повлияли на изменение гендерного статуса женщин. Прежде всего, это то, что женщины начинают активно втягиваться в производство; во-вторых, повышение экономической активности женщин привело к повышению их политической активности; в-третьих, вследствие распространения в обществе идей феминизма было положено начало складыванию нового «женского образа», черты которого зачастую резко гармонировали с образом женщины предыдущего столетия и даже десятилетия; в-четвёртых, вследствие сокращения мужчин, особенно в годы мировых войн и повышением роли семьи в социальной жизни общества женщины активизируют

внутренне «я» в своей «борьбе» за семейное будущее, что повлекло за собой кризис сексуальной культуры индустриального общества. В-пятых, сексуальная революция разрушила господствовавшие в обществе гендерные отношения.

Примечания

1. Бовуар С. Второй пол / Пер. К. Клатько, - М., 2002. –С.223.
2. Бэндлер М. Дороги, которые мы выбираем: голос современных женщин // Вопросы истории. 2000. № 6. - С. 159.
3. Бачинин В.А., Сандулов Ю.А. История западной социологии. – СПб., 2002. –С.63.
4. Травельян Дж. М. Социальная история Англии. – М., 1989. –С.332.
5. Цит. по: Пирси М. Женщина в конце времени. / Пер. С. Сельско. - М., 2001. –С.136.
6. Фридан Б. Тайна женственности. / Пер. С. Зацепина, - М., 2001-С.103.
7. Бок Г. История, история женщин, история полов // THESIS. Женщина, мужчина, семья. М., 1994. № 6. - С. 175.
8. Цит. по: Травельян Дж. М. Социальная история Англии. – М., 1989. –С.215.
9. Петрова Л.И. IV Конгресс международной демократической Федерации женщин. - М., 1959. – С.265.
10. Материалы международной конференции по проблеме женщин (1998) // <http://www.u-gakugei.ac.jp/~tam/research/MexcoPaper.html>
11. Цит. по: Анури В.Ф. Сексуальная революция: двойной стандарт // Социс. 2000. № 9. - С. 88-89.
12. Элизабет Джейнуэт

ГЕНДЕРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ИДЕОЛОГОВ НАЦИЗМА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ФЕМИННОЙ ПОЛИТИКИ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Национал-социализм изначально (с момента создания Программы НСДАП 1920 г.) интерпретировал окружающий его мир как мужской. Это проявлялось уже в языке Программы, речь в ней шла о «гражданах», «немцах». Да и впоследствии, говоря о будущих выдающихся личностях, Гитлер имел в виду «сыновей народа», а отнюдь не его дочерей. Не исключено, впрочем, что здесь определенную роль играет свойственная немецкому языку андроцентричность. Единственное упоминание о женщине (только как о матери, в одном контексте с ребенком) содержится в 21 пункте Программы, иные ее характеристики, в том числе правовые, отсутствуют [1].

В последующих работах А.Гитлера, А.Розенберга, В.Дарре гендерная проблематика рассматривается существенно подробнее. Основные интересующие их параметры – проблема брака и в этой связи фиксация места в обществе мужчин, женщин и детей, отношения семьи и государства, воспитание «новой», расовой аристократии. Для всех этих работ объединяющим является тезис об общественной дифференциации по признаку пола. Эти работы появились в период с конца 1920 до середины 1940-х гг., в недрах одного движения и, следовательно, одной идеологии, тем не менее взгляды на проблему временами противоположны, что вполне может быть обусловлено политической ситуацией в Германии. Как и многие другие вопросы будущего нацистского господства, этот также был в стадии становления, и решать его на практике приходилось в экстремальных условиях войны и вызванных ею демографических сложностей, комбинируя идеологические установки и существующую реальность.

Война, как основной способ существования мужчин, связанный с их длительным отсутствием и возможной гибелью, привела, в частности, к иному восприятию внебрачных детей и их матерей – от первоначального осуждения и полному принятию. А.Гитлер, среди прочего, останавливался и на этой теме, в частности, на вопросах правовой защиты внебрачных детей, в «Застольных разговорах», относящихся к 1941-1942 гг.

Одновременно возникла необходимость привлечения женщин в экономику, в армейские вспомогательные службы (это был, разумеется, за исключением чисто женских организаций, только рядовой или младший командный состав), в полицию и даже в СС. В зависимости от ситуации на рынке труда акцентировалась роль женщины либо в домашнем хозяйстве, либо на производстве. Например, внушалось, что женщина более приспособлена к работе на конвейере, поскольку монотонность работы не мешает ей думать о семье и детях.

А.Гитлер касается гендерных проблем прежде всего в «Mein Kampf», написанной в 1925-1927 гг., и впоследствии развивает их, но уже на несколько ином, в большей степени бытовом, уровне в «Застольных разговорах». В первой работе он продолжает и детализирует проблематику «Программы». Поскольку основной пафос его разоблачений направлен на борьбу за чистоту расы, против ее осквернителей, он подробно рассматривает проблему не столько семьи, сколько брака как института, фиксирующего отношения между полами и блокирующего ослабление расы. Брак для него – это в первую очередь залог появления здорового и расово безупречного потомства [2].

Именно мужчины, по мнению Гитлера, с их активной позицией в навязывании сексуальных контактов, либо представляют угрозу для сохранения расы, либо наоборот, служат основой для ее возрождения. Поэтому Гитлер много внимания уделяет сексуальному воспитанию мужчин, видя в этом основу для появления здорового потомства и воспитания доблестных воинов. Впоследствии, в «Застольных разговорах», Гитлер больше говорит о взаимоотношениях мужчин и женщин в браке, подчеркивает склонность женщин к подчинению. Застольные разговоры – это поток сознания, и подлинное отношение к той или иной проблеме часто выявляется через контекст. Поговорив о браке и женщинах, Гитлер переходит к обсуждению качеств собак, а потом – к проблеме возникновения человеческих рас. Создается впечатление, что взаимоотношения полов сводятся для него к чисто биологической стороне дела [2].

Объектом основного внимания Гитлера оказывается юношество. К вопросу становления мужчины Гитлер относится весьма серьезно, если судить по уровню детализации его интереса и по количеству посвященных этому страниц. По принципу бинарной оппозиции Гитлер пространно характеризует как внешние, так и психологические качества арийских и неарийских мужчин. Он подробно говорит о телесности применительно к расово полноценному молодому человеку, отождествляя здоровье и внешнюю привлекательность, упоминает даже одежду, противопоставляя обычный в этом случае критерий - моду – другому, целесообразности костюма с точки зрения здоровья и закалывания. В конечном итоге идеал арийской красоты, основанной в первую очередь на физическом здоровье и потому достижимый для всех, в сочетании с военной формой должен сделать именно немецких молодых людей наиболее привлекательными в глазах немецких девушек и исключить нежелательные браки последних с представителями чуждой расы [4].

Впоследствии визуальный дискурс телесной инаковости был представлен на выставках 1937 г., ставивших целью, с одной стороны, разоблачить «неарийское» с точки зрения как тематики, так и художников искусство, а с другой – наглядно продемонстрировать эстетический расовый канон. Биологической основой этого канона, вероятно, обусловлено тяготение официального нацистского искусства к обнаженной натуре.

Задача укрепления расы, в соответствии с этим представлением, впоследствии была поставлена перед мужчинами из СС, расовой элитой общества, и возлагалась на одно из подразделений этой организации – Lebensborn, «источник жизни». Это подразделение, среди прочего, должно было регулировать репродуктивное поведение представителей арийской расы.

Воспитанию арийских женщин Гитлер уделяет в «Mein Kampf» существенно меньше внимания, подчеркивая лишь необходимость их ориентации на материнство. В рассуждениях Гитлера брак и семья не имеют точек соприкосновения, и биологическая заданность брака отнюдь не переходит к функциям семьи в вопросе воспитания детей. Обеспечить правильное воспитание и будущих солдат, и будущих матерей должно государство через сеть детских и молодежных организаций, дифференцированных по признаку пола [5].

Гендерное противопоставление в работе Гитлера особенно наглядным становится при решении им вопроса социализации мужчин и женщин. Окончательная социализация, отмеченная получением гражданских прав, должна наступить для женщины только через брак, исключение составляют лишь те женщины, которые сами зарабатывают на свое содержание. Социализация мужчины тоже не безусловна, в качестве основного критерия, помимо здоровья, требуется свидетельство о прохождении им военной службы. В конечном итоге были сконструирован на гендерном уровне нацистский идеал человека: мужчины – солдата, и женщины, основная функция которой - рожать новых мужчин и таким образом укреплять расу. Единственным общим требованием как для мужчин, так и для женщин оставалось их расовое соответствие, которое должно было тщательно проверяться.

В книге Розенберга схема ролевых гендерных функций усложнена. Он также дает наряду с расовой еще и гендерную характеристику общества, но не только биологическую, как Гитлер, а дополнительно обоснованную психологическими и духовными различиями. Мир с этой точки зрения выглядит бинарным, с одной стороны он – мужской, творческий, с другой – женский, к творчеству неспособный. Везде, где возникает что-то типическое или типобразующее, в качестве творцов выступают мужчины, которые превосходят женщин в изобретательности и в исследовательской практике, поскольку женщине недостает как интуитивного, так и интеллектуального обобщения. Вместе с тем эти два полюса имеют общий расовый и, следовательно, глубинный духовный потенциал, который определяется присутствием и влиянием арийской крови [6].

Особенно, по мнению Розенберга, роль мужчин велика в создании двух основных институтов – государства и брака. Эти институты оказываются главными, по-видимому, в силу их важной роли в деле сохранения расы. В отличие от Гитлера, рассуждавшего лишь о Германии, Розенберг рассматривает проблему в масштабах мировой истории и с древнейших

времен. Он категорически отрицает матриархат как организацию общества, при которой женщины якобы пользуются неограниченными правами. Напротив, только в средневековом германском обществе с вполне сложившимся патриархатом, по мнению Розенберга, женщина пользовалась огромным уважением как продолжательница рода, поскольку уже в условиях патриархата, как он полагает, основной была расовая проблема. Вместе с тем, также в отличие от Гитлера, полагавшего, что государство мужчин обречено на упадок, Розенберг считает его залогом процветания.

Розенберг сопоставляет народ, семью, мужской союз и государство с точки зрения роли в них мужчин и женщин. Опирается он на безусловно, по его мнению, арийские общества – Спарту, Афины, Рим. Типообразующей нормой для государства, как он полагает, были воинские мужские союзы, а отнюдь не семья. В нескольких местах книги он говорит о «мужских союзах» как организациях, пронизывающих всю арийскую историю, их существование он полагает непреложным условием перспективного исторического развития. Это вытекает из его общей установки на гендерные принципы организации расового пространства, в котором носителями расовой сущности выступают именно мужские союзы [7].

Переходя к современности, Розенберг приводит в качестве примеров, в частности, мужской союз масонов, германский свободный корпус после 1918 г. и нацистские штурмовые отряды. Вне зависимости от ситуации именно им принадлежала ведущая роль, правда, в период мирного развития страны их деятельность несколько видоизменялась. Преимущества воинских союзов перед родственными Розенберг видит в том, что они не зависели от родственных отношений и чувств и этим выгодно отличались от семьи, где и женщина играла роль.

В отличие от временной ситуативности мужских союзов, роль женщины и семьи, как полагал Розенберг, ситуативна постоянно. Женщина и семья то присоединялись к остальному обществу, то исключались из него, в зависимости от их способности в каждый конкретный момент принести жертву или, напротив, расшатать существующую структуру. Подчиненную роль женщины играли и в религиозной практике. Введение культа девы Марии (по примеру культа Изиды) изначально предполагало восприятие ее лишь как матери.

Вместе с тем Розенберг твердо полагает, что собственная роль женщины в обществе также крайне важна – это хранительница чистоты расы, залог ее процветания и приумножения. Женская составляющая расовой общности должна быть достаточно сильной, поскольку, помимо крови, определяющим для процветания общности в целом является наличие биологической полярности, антагонизма полов, создающего конструктивное напряжение. Розенберг здесь прямо выдвигает тезис о значимости гендерной идентичности: как только начинается феминизация мужчин и эмансипация женщин, наступает кризис, а затем гибель всей общности. Правда, в его рассуждениях гендер временами получается идентичным биологическому полу [8].

Весьма возможно, что именно из этих соображений на все существовавшие в нацистской Германии молодежные организации распространялось разделение по принципу пола. В частности, было трансформировано существовавшее до 1933 г. в Германии смешанное националистическое (*völkisch*), а значит, вполне приемлемое по идеологии общество артаманов, в котором состояли и некоторые будущие нацистские лидеры – В.Дарре, Р.Хёсс, Г.Гиммлер. В 1933 г. его члены были интегрированы в нацистские организации, но уже по половому признаку.

Что касается В.Дарре, его рассуждения о «новой аристократии крови и почвы», приверженной вековым народным обычаям, мало разнятся от предыдущих работ. Он также существенно больше внимания уделяет характеристике мужчин, их новым моральным качествам и достоинствам. О женщинах в его работах говорится как о категории второстепенной, подчиненной, предназначенной для ведения дома и ухода за детьми. В качестве авторитетного в этих вопросах источника он цитирует мнение представительниц потомственных аристократических семейств, иными словами, апеллирует к уже

существующей традиции. Основное внимание уделяется пространственному размещению «новой аристократии», ее связи с землей, поскольку источник ее становления – крестьянство [9].

Таким образом, идеологи национал-социализма в своих работах уделяли огромное внимание гендерным вопросам, которые они напрямую увязывали со своими расовыми представлениями. В последующем эти взгляды легли в основу гендерной политики которую проводили национал-социалисты в Германии оказавшись у власти.

Примечания

1. Хорни К. Запрещенная женственность // Нева. 1994. №8. – С. 226.
2. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. - Смоленск, 1993. –С.64.
3. Там же, с.65
4. Арапина С.В. Молодёжная политика национал-социализма // Материалы западносибирского центра германских исследований. –Новосибирск, 2001. – С.21.
5. Гитлер А. Майн Кампф. – М., 1991. –С.211.
6. Розенберг А. Миф XX века. – Минск, 1992. –С.117.
7. Там же, с.119-120
8. Там же, с.129.
9. Даре В.Р. Крестьянство как источник жизни нордической расы // Ермаков А.М. Женщины Германии в первой половине XX в.: Сборник документов. – М., 2003. – С.24-29.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

То, что всё более урбанизирующиеся условия жизни обладают свойством ослаблять социальные связи между поколениями и родственниками, уже отмечалось с односторонне-пессимистической точки зрения традиционной критикой, связанной с изучением больших городов и промышленности. Его часто ставят в причинную связь с утверждением об утрате семьёй свойственных ей функций. Вместе с ними был будто бы утрачен стабилизирующий эффект так называемой «большой семьи». Под «большой семьёй» в основном понимали состоящую из трёх поколений семью крестьянина или ремесленника, которую ошибочно считали универсальным типом семьи XVIII - XIX вв. [1].

Индустриализация и урбанизация, как гласил этот тезис, обуславливали всё более частое отделение супругов и тем самым все более частое образование «малой семьи». Это привело к утрате преемственности, так как «малая семья», в отличие от непрерывно существующих семейных хозяйств крестьян и ремесленников, с достижением детьми взрослого возраста вновь распадается и предстаёт супружеской парой, т.е. только «остаточной семьёй». Этот принятый в старой социологии, восходящий к Эмилю Дюркгейму тезис о происходившем в течение века «сжати» «допромышленной большой семьи» и возникновении индустриальной «супружеской семьи», между тем оказался не совсем точным. Историческая демография и исследования семьи показывают, что семьи из трёх поколений в большом числе образовались лишь в демографически переходный период конца XIX— начала XX вв. вследствие так называемой «аграрной революции» и индустриализации, когда впервые в достаточной мере возросла продолжительность жизни и снизился возраст вступления в брак [2].

С сокращением крестьянского населения доля семей из трёх поколений вновь начала уменьшаться уже в первой половине XX в. Условия, в которых, например, в межвоенный период и сразу после войны, вместе жили три поколения, воспринимались как стесняющие и ограничивающие. Вопреки прежним предположениям исследователей об их особой стабильности, семья из трёх поколений крестьян была в высшей степени конфликтной. Ей, однако, в условиях слабого развития товарно-денежных отношений альтернативы не было. В городах семьи из трёх поколений чаще всего возникали в кризисные десятилетия между 1910 и 1940 гг. Как правило, это были вынужденные сообщества, необходимые, чтобы пережить

времена трудовых миграций, безработицы, жилищной нужды. Как только доходы и рынок жилья позволяли, молодые супружеские пары и семьи стремились как можно раньше покинуть дом, который они делили с родителями и родственниками, и жить своим домом. Сокращение рождаемости и периода воспитания детей, приходящегося на два первых десятилетия брака, привело к тому, что «нуклеарная семья» в так называемой «фазе после родительства» вновь сокращалась до супружеской пары. С этой точки зрения «нуклеарная семья» выглядит в большей степени как переходная стадия, тогда как супружеские отношения характеризуются сравнительным постоянством. Связанная с этим тенденция роста культурной значимости и растущей автономии пары по отношению к семье и родственникам сохранилась и в последние десятилетия.

Анализ состава частных хозяйств показывает, что в 1970-е гг. XX в. утвердилась тенденция к образованию «малой» или «супружеской семьи», тогда как число «расширенных семей» (особенно групп из родителей и детей, увеличенных за счёт совместно живущих бабушек, дедушек или других родственников) уменьшалось. Если в 1957 г. ещё 7 % всех семей Западной Германии состояли из трёх поколений, то в 1981 г. таковых было только 6 %, а в 1995 г. 4,8 % [3]. Средний размер семьи сократился и вследствие тенденции к образованию малой семьи. Этому соответствуют результаты опросов о предпочтительной форме семьи: большинство австрийцев, например, не хотели бы жить вместе с родителями или родственниками. Родители также часто не хотят жить под одной крышей с женатыми детьми. Они предпочитают возможно более долго жить своим домом. В городских семьях пожилые люди высказывают желание жить со своими детьми только тогда, когда они потеряли супруга или стал необходим посторонний уход за ними.

Отсюда можно заключить, что существующие расширенные семейные хозяйства в большинстве своём скорее вынуждены экономической необходимостью, чем основаны на предпочтении членов семей. Совместное хозяйство старых и молодых, как подытожил многочисленные исследования Леопольд Розенмайр, «делится не из-за отрицательного отношения молодого поколения, его сохранения пожилые хотят очень редко, притом значительно реже, чем фактически имеет место» [4].

Чем больше возможностей у родителей и их выросших детей жить отдельно, тем быстрее это происходит. И, напротив, в маленьких деревнях, где ещё сильны религиозные традиции и не хватает жилых помещений (в домах на одну семью, которые часто вместе строили и финансировали родители и дети) имеется общественное и идеологическое давление в пользу совместной жизни трёх поколений. Однако было бы неверным из желания поколений вести отдельное хозяйство сделать вывод об ослаблении их человеческих взаимоотношений. Напротив, многое говорит за то, что только возросшая возможность отдельного проживания создаёт предпосылку для положительной эмоциональной окраски отношений между родителями и их взрослыми детьми. Все проводившиеся до настоящего времени исследования показывают, что большинство людей строя отношения между поколениями, склоняются к «сочетанию близости и дистанции».

Более высокий семейный доход, более широкое предложение на рынке жилья, направленное на поддержку семьи государственное перераспределение средств в последние десятилетия, по-видимому, способствовали тому, что молодым супружеским парам и семьям значительно легче удаётся воплотить в жизнь концепцию «нуклеарной семьи». Кроме того, всё меньшее число работающих женщин живёт вместе с родственниками и потому, что в 1960-1980-е гг. резко выросло количество мест в детских учреждениях, которые содержат коммунальные и земельные власти (детские сады и т.п.). Работающим матерям они всё чаще заменяют их матерей и свекровей, которые ранее смотрели за детьми.

От чётко выраженной тенденции жить «малой семьёй» следует отличать вопрос о характере взаимных посещений и оказания помощи. Родственные связи и особенно общение с родной семьёй сохраняются и в дальнейшем, но в основном выполняя функции дополнения и поддержки малой семье. Родственные отношения в общем и целом стали менее обязывающими. В условиях взаимной экономической независимости поколений есть

возможность выбора: поддерживать их или дать им угаснуть. В верхней части среднего слоя прежде всего обнаруживается тенденция к большей активности взаимных посещений знакомыми по сравнению с родственными контактами. Это также однозначно говорит в пользу увеличения возможностей выбора. Чаще ищут контакты с теми, с кем есть общие интересы и можно поделиться опытом, чем с теми, с кем имеется «только» генеалогическое родство.

Следует добавить, что речь о тенденции к «супружеской семье» можно вести только тогда, когда рассматривается предпочитаемая форма так называемой «полной» семьи; в целом, в настоящее время гораздо больше выражены, с одной стороны, тенденция к «неполным семьям», в особенности к семьям разведённых и разошедшихся женщин с детьми, и тенденция к добрачной совместной жизни и к схожему с семьёй сожительству — с другой.

На протяжении XX в. общая тенденция к сокращению рождаемости в первые 60 лет несколько раз испытывала кратковременные колебания, которые имели либо противоположное направление, либо усиливали её. Эти тенденции в развитии рождаемости в первую очередь отражают реакцию людей на острые угрозы их материальному существованию в фазах экономических кризисов и во время обеих мировых войн, а также выраженный «эффект навёрстывания» в фазах экономического роста и общественной стабилизации. Сокращение рождаемости не было ни выражением культурного «декаданса», ни признаком упадка народов, которые его переживали, как многие думали. Оно было запоздавшей реакцией людей на промышленную революцию. Постепенное распространение массового наёмного труда, занимавшего место труда в домашнем хозяйстве, развитие средств сообщения и торговли обусловили радикальное изменение форм жизни. С распространением промышленно-городского образа жизни среди постоянно растущей части населения, с созданием развитой системы социального обеспечения дети утратили своё хозяйственное значение.

Если в 1900 г. в среднем женщина в Западной и Центральной Европе имела ещё около четырёх детей, то к концу 1930-х гг. этот показатель упал примерно до 1,5. Многие люди отреагировали на мировой экономический кризис, с учётом тяжёлого экономического положения откладывая время вступления в брак и рождения детей. Семейная политика национал-социалистов была попыткой борьбы против низкой брачной активности и нежелания иметь много детей: оказывая помощь семье путём перераспределения средств на государственном уровне, они вели массивную пропаганду семьи и семейной плодovitости. Однако распад общества и высокие военные потери обусловили, в конце концов, заметный спад рождаемости.

Только во время так называемого послевоенного «бума рождаемости» 1960-х гг. число рождений вновь возросло в среднем до 2-3 детей на семью. Демографы и политики удивлялись этому неожиданному буму рождаемости, так как он противоречил общей тенденции к её сокращению. Сегодня, однако, он представляется не «поворотом тенденции в противоположную сторону», а наивысшей точкой в развитии семьи в европейских индустриальных обществах: «Для поколения довоенных и послевоенных детей наличие семьи из социальной привилегии превратилось в социальную норму», или, говоря иначе, впервые в годы так называемого «экономического чуда» каждый взрослый и совершеннолетний гражданин получил возможность жениться и иметь детей, не будучи в силу экономических причин вынужденным «откладывать» это решение. Среди родившихся в 1930-1945 гг. - вступили в брак 90 % и почти столько же обзавелось детьми [5].

Средний брачный возраст упал, как и средний возраст родителей при появлении первого ребёнка. Часто первая беременность была поводом к заключению брака: число рождённых вне брака детей сократилось. Никогда прежде в Европе не была так велика доля женатого и имеющего детей населения. Поэтому Патрик Фести назвал 1960-е гг. «золотым веком семьи» в Западной и Центральной Европе. Но тем самым была достигнута, как мы теперь знаем, также наивысшая точка развития семьи в европейских индустриальных обществах. С середины 1960-х гг. количество заключаемых браков и рождающихся в семье детей вновь сократилось, и из

года в год распадалось всё большее число браков. Показатели рождаемости (т.е. число родившихся за год детей на тысячу жителей) упали с середины 1960-х гг. до конца 1970-х гг. в большинстве промышленно развитых стран на 30 – 40 %, а в ФРГ и ГДР даже на 50 %. Среднее число детей на одну взрослую женщину сократилось здесь до 1.4. Лишь в немногочисленных индустриализирующихся окраинах Европы (Ирландия, Турция) количество детей продолжало оставаться высоким [6].

Статистическое сокращение рождаемости отражает, прежде всего, снижение числа детей в семье, т.е. в расчёте на женщину и, следовательно, уменьшение семьи, и в меньшей степени тенденцию к полной бездетности. Четверо и более детей в семье были в 1970-х гг. в промышленных странах Западной и Центральной Европы редким исключением; число семей с тремя детьми также существенно сократилось. Как следствие, фаза рождений в семейном цикле ограничилась коротким периодом, всегда приходящимся на начало брака. Сокращение числа детей было облегчено эффективными контрацептивами, особенно таблетками. Таблетки были первым действительно эффективным средством предохранения. В них нельзя видеть причину последовавшего за бумом рождаемости в середине 1960-х гг. нового её падения (ошибочно до сих пор называемого «вызванным таблетками надломом» — «пилленкнике»), так как в 1964 г. таблетки принимало лишь незначительное меньшинство женщин, в 1970 г. — только каждая десятая женщина в детородном возрасте. Если нужны другие доказательства, что разговоры о «пилленкнике» являются по меньшей мере грубым упрощением, то следует вспомнить о сократившемся в 1920-1930-е гг. наполовину числе родов, когда никаких таблеток или каких-либо аналогичных надёжных противозачаточных средств не было. Потребность в ограничении рождаемости основывается в значительной степени на комплексном сочетании объективных и субъективных факторов, которые в неразрывном единстве обуславливают общую тенденцию к «модернизации жизни».

Желание всё большего числа женщин не прекращать трудовую деятельность, возросшие требования к жилью и качеству досуга, по-видимому, являются важнейшими причинами сокращения рождаемости. Молодые супружеские пары предвидят материальные трудности, связанные с воспитанием детей, усиленным ростом стоимости жилья и временным перерывом в заработках жены. Дети не нужны ни как рабочая сила, ни как гаранты обеспечения в старости. Для эмоционального обогащения, которое муж и жена ожидают от своих детей, достаточно уже одного или двух.

Всё большее число вступающих в брак могут представить себе «счастливую жизнь» даже без детей. Жизнь в больших городах предлагает альтернативы традиционному «семейному счастью»: свободное время, потребление и профессиональный успех являются основными компонентами «постиндустриального» стиля жизни, его реализация при наличии детей скорее затрудняется. Намерение жён ограничить количество родов разделяется, частично по тем же мотивам, мужьями. Исследования показали, что между соответствующими желаниями мужей и жён имеется исключительно близкое согласие. В определённой степени к решению иметь детей в большем числе пар приходят совместно, т.е. соответствующие представления коррелируют с остальными основными моментами, которые имеют решающее значение уже в фазе выбора партнёра.

В то время, как количество детей, рождённых в браке, сократилось, почти во всех промышленных странах возросло число внебрачных детей. По мере того, как рождение ребёнка вне брака утрачивало черты позора, с 1960-х гг. росло число незамужних матерей.

Следует помнить и о том, что социальные условия для незамужних матерей изменились решающим образом. Меры семейной и социальной политики во всё большей степени облегчают незамужним матерям в случае беременности отказаться от «вынужденного брака». Большая часть незамужних матерей живёт сегодня в условиях, аналогичных браку, которые позднее часто законным образом регистрируются. Выросло, однако, и число детей, живущих с одним из разведённых родителей. В 1972 г. в ФРГ было 364 000 таких детей (2,6 %; в 1961 г. — 1,86 %). С 1961 г. число распавшихся браков с двумя или тремя детьми составляло треть всех разводов [7]. Уже Федеральный доклад о семье 1975 г. прогнозировал, что число детей,

которым предстоит расти в «неполной», согласно традиционным представлениям, семье, будет возрастать и дальше. «Принцип производителя», согласно которому социальными воспитателями должны быть по возможности именно физиологические родители, испытывает возрастающее давление. Всё больше детей вырастает с одним из родителей, не являющимся физиологическим отцом или матерью (повторные браки разведённых, совместная жизнь, аналогичная браку и т.п.). Чем чаще нарушается «принцип производителя», тем более он перестаёт быть нормой. Это в свою очередь благоприятствует дальнейшему увеличению числа тех, кто не находится в браке или разведён, потому что шансы разведённых лиц, имеющих детей, вновь вступить в брак растут. Отношение детей к своим биологическим родителям как к социальным родителям перестаёт быть само собой разумеющимся, они во всё большей степени участвуют в процессах, связанных с обретением нового партнёра их физиологическим отцом или матерью. Новейшие данные подтверждают это, всё больше детей вырастает только с одним из физиологических родителей.

В 1985 г. в ФРГ 12 млн. малолетних детей жили вместе с обоими родителями, 1,3 млн. — с матерями, отцами, отчимами или мачехами, которых принято называть «родителями-одиночками». О том факте, что одинокие отцы или матери часто живут в новых (неузаконенных и потому не отражённых статистикой) отношениях, которые также влияют на жизнь их детей, статистика умалчивает [8].

Таким образом, сокращение рождаемости в современном обществе тесно связано со стремлением женщин к карьерному росту, кроме того, в период «государства благоденствия» изменилось предназначение детей, которые теперь не рассматриваются как гарант спокойной старости. Следует учитывать и тот факт, что в настоящее время ребёнок представляет собой довольно дорогое удовольствие.

Сокращение рождаемости с середины 1950-х гг. сопровождалось постоянным ростом числа разводов. В конце 1950-х гг. распадались в основном браки, заключённые в годы войны, часто в условиях, когда люди не имели достаточных возможностей узнать друг друга. Многие браки не выдержали чрезвычайных тягот послевоенного времени, долгой разлуки из-за военного плена и т.п. Разводившиеся тогда вскоре вступали в брак снова. Это относится, прежде всего, к мужчинам, которые из-за большого числа погибших, были «дефицитным товаром» на брачном рынке. В 1960-е гг. процент разводов уменьшился. Около 1960 г. в наивысшей точке процесса укрепления семьи, пока продолжался брачный бум, процент разводов был низким. Затем с начала 1960-х гг. число вступлений в брак постепенно снижалось, а количество разводов скачкообразно росло. В настоящее время в ФРГ, Австрии и Швейцарии почти каждый третий брак распадается. В больших городах это уже почти каждый второй. Таким образом, процент разводов почти в два раза выше, чем в 1962 г. Наиболее высокий показатель разводов в Европе имеют в настоящее время Швеция и Дания (около 45%). В Англии сегодня распадаются четыре из каждых десяти заключённых браков (39 % разводов) [9]. Ожидать стагнации или обратной тенденции вряд ли следует.

С ростом числа разводов склонность к заключению брака во всех западных промышленно развитых странах уменьшалась. В ФРГ число заключённых на 1000 жителей браков сократилось с 9,4 (1960 г.) до 5,9 (1992 г.), хотя в этот период достигли брачного возраста люди из когорт с высокой рождаемостью. Вероятность того, что молодой неженатый человек когда-либо вступит в брак, ещё в 1965 г. в большинстве европейских стран составляла около 90 %, а между 1970 и 1990 гг. упала в Австрии до 70 %, в ФРГ, Швейцарии и Дании — почти до 60 % [10].

При ответе на вопрос о причинах этой тенденции в первую очередь нужно говорить о двух факторах долгосрочного исторического значения: увеличение продолжительности брака и повышение экономических возможностей для его расторжения. Средняя продолжительность брака за сто лет удвоилась. Пара, вступившая в брак в 1870г., жила вместе в среднем 23,4 года, в 1900г. — 28,2, в 1930 г. — 36, в 1970 г. — уже 43 года, если она не распадалась раньше.

Столь продолжительный брак увеличил вероятность возникновения более частых и

качественно иных конфликтов. Кроме того, надежды, которые возлагают люди на семью и брак, вышли за пределы прагматического обеспечения выживания и расширились до ожидания всеобъемлющего счастья.

Снижение прочности брака имеет, прежде всего, экономические и связанные с ними психологические причины. Все меньшее число людей живёт и работает в условиях сельскохозяйственного или ремесленного производства, где совместное владение средствами производства вынуждает их сохранять несчастливо сложившийся брак. Те группы, к которым это не относится, а именно крестьяне и лица, занимающиеся самостоятельными промыслами, показывают значительно более низкий процент разводов. Крестьяне и крестьянки практически никогда не разводятся. Чем меньше супруги в своей экономической и социальной жизни связаны друг с другом, тем скорее они могут поставить вопрос о разводе в случае несчастливо сложившегося брака. Поэтому работа жён повышает в проблемных браках готовность и экономическую возможность к разделу или разводу. Горожанки со средним школьным или среднетехническим образованием, находящиеся в должности служащих, разводятся чаще всего, самый низкий процент разводов у неработающих женщин. Наконец, снижающееся или застывшее на низком уровне среднее количество детей на одну семью увеличивает готовность к разводам, так как наличие детей у пары уменьшает как их субъективное желание, так и экономическую возможность развода. Другими факторами повышения готовности к разводам являются сокращение браков, заключённых по религиозному обряду, рост урбанизации и региональной мобильности, перемены в роли женщины и дальнейшая «индивидуализация» жизненной концепции.

В той же степени, в какой всё более широкие слои населения кладут в основу брака в первую очередь не экономическую необходимость, а личные отношения любви супругов, должно быть либерализовано и общее отношение к расторжению браков, а также и правовые нормы, регулирующие развод. Когда любовь становилась решающим мотивом при выборе партнёра, постепенно распространилось убеждение, что брак перестаёт быть браком, «если в нём больше нет любви». Надежды людей найти в браке «большое счастье» скорее возросли вопреки всем симптомам кризиса. Не в последнюю очередь это результат раздутой средствами массовой информации дискуссии о возможностях и пределах «личного счастья» «романтической» любви, свободной от материального давления. Тем самым были развиты потребности в эмоциональной защищённости, сексуальном счастье и преисполненном любовью общении в супружестве, обеспечить удовлетворение которых можно в несравнимо меньшей степени, чем надежды крестьян, ремесленников и бюргеров предыдущих поколений, которые во всяком случае видели основу брака в «прагматической» любви, совместном жизнеобеспечении, гарантиях имущества и статуса. Широкая пропаганда романтической любви как единственного «законного» мотива брака скрывает тот факт, что эта романтическая любовь, как правило, длится только какое-то определённое время. Она не достаточно прочна для концепции брака, заключаемого до конца дней [50, с.84].

Брак не является в первую очередь сексуально-эротическим институтом. Требуемая стабильность достигается не выбором объекта для непрочных человеческих сексуальных отношений и эротики, а следует из необходимости обеспечить социализацию детей и экономическое существование. Общие дети, жильё, доходы, совместное владение различными предметами пользования и не в последнюю очередь незнание процедур развода вынуждают людей примиряться с противоречиями «романтической любви» и моногамного брака, проявляя личную сдержанность и дисциплину. Остаётся надеяться, что «романтическая любовь» в браке превратится в «прагматическую любовь» или «дружбу». Эти надежды, однако, часто не оправдываются, что доказывают цифры разводов. Даже тогда, когда удаётся трансформировать отношения «медового месяца» в союз спутников жизни, брак остаётся в значительной степени под угрозой. Постепенно накапливающийся недостаток эмоциональной поддержки, сексуального удовлетворения и нежности в отношениях супруги видят особенно ясно на фоне перманентной демонстрации привлекательных примеров «романтической любви».

Повышение независимости личности и признания её эмоциональных, социальных и сексуальных желаний имеет свою цену: чем сильнее супружеская пара ориентируется на идеал «любящей пары», тем чаще она распадается из-за конкуренции новой «романтической любви».

Для целей обзора исторического развития семьи слишком сложен вопрос о значении постоянного роста в течение двух последних десятилетий процента разводов. Характеризует ли он кризисное состояние брака и тем самым усиление угроз существованию семьи или же он относится скорее к уровню расторгимости несчастных браков? Для нас важно то, что развод является конечным пунктом кризисного развития отношений пары. Ему обычно предшествует длительный процесс разлада отношений. Какое число «несложившихся» браков в конце концов распадается, зависит от множества личных и общественных факторов. По всей вероятности, судя по возросшим потребностям, в течение двух последних десятилетий «расстраивается» всё больше браков и всё больше людей готовы признаться самим себе и своему окружению, что они считают брак распавшимся, ибо общественное осуждение разведённых резко идет на спад. Создаётся впечатление, что в широких кругах населения снизилась готовность принимать брак, из которого «ушла любовь», или слишком конфликтный брак. С ростом числа разведённых общественное сопротивление разводам падает. Чем больше разведённых живёт в обществе, тем скорее желающие развестись и разведенные могут рассчитывать на понимание своих проблем. Реакция социального окружения на развод является существенным фактором принятия решения супругами.

Проведенное в Австрии исследование обнаружило, что расторжение «расшатанного» брака в целом одобряется, если в доме нет детей. Две трети опрошенных всё же высказывались за то, чтобы сохранять идущий к распаду брак «ради детей» [11]. Это доказывает, что задача социализации субъективно также находится в центре семейной жизни. Распространённое мнение, что в принципе супруги не должны разводиться, если в семье есть дети, всё-таки упускает из вида тот вопрос, на который можно ответить только индивидуально: от чего дети страдают больше — от продолжающегося «супружеского спора» родителей или от их развода. Разводы конфликтующих пар одобряются тем больше, чем моложе человек и чем в более городском окружении он живёт. Люди с более низким уровнем образования развод как норму скорее отвергают. Развод является признаком городского образа жизни. В сравнимых профессиональных группах частота разводов в городах в два-четыре раза выше, чем на селе. Женщины в большей степени одобряют разводы, чем мужчины. Это удивляет, учитывая связанное с разводом ухудшение их экономического положения. С другой стороны, объяснение в том, что женщины тяжелее переносят конфликтность супружеской и семейной жизни. К тому же в случае развода женщины имеют с психологической и социальной точек зрения то преимущество, что дети в основном остаются с ними. Это обычно даёт им эмоциональную поддержку.

В то же время маленькие дети часто осложняют матери попытку вступить в новые отношения. В большинстве случаев инициаторами разводов выступают женщины, хотя мужчины являются «истинными проводниками» разводов и первыми пытаются разорвать неудачно сложившиеся отношения. В целом представляется, что женщины предъявляют к браку и семье более высокие требования, чем мужчины, они также чаще высказывают недовольство по поводу своих браков.

Исходя из той точки зрения, что развод является результатом процесса, часто растягивающегося на годы, представляется интересным вопрос, какие факторы играют в нём роль. Статистически первое учащение разводов наблюдается вскоре после свадьбы, когда обычно ещё нет детей. Представляется, что речь идёт о раннем исправлении «ошибки», допущенной при выборе партнёра, а чаще, пожалуй, о трудностях адаптации к образу жизни супруга. В период рождения и ухода за маленькими детьми разводы возникают значительно реже. Но в это время часто намечается кризис в отношениях пары. Многочисленные исследования показывают, что после рождения первого ребёнка наступает тенденция снижения субъективного удовлетворения браком, и притом в сравнимой степени у мужчины

и женщины. Супруги имеют меньше времени друг для друга, у них становится меньше общих друзей и знакомых, чем раньше. Молодые матери завязывают новые контакты с другими матерями, в которых мужа большей частью не участвуют. Молодые матери часто чувствуют себя одинокими и покинутыми вследствие выпадения из связанной с профессией социальной системы, многим не хватает чувства независимости.

С другой стороны, родственные контакты (прежде всего с родными семьями мужа и жены) в этой фазе вновь учащаются, что скорее благоприятствует ориентации на традиционные отношения между супругами и между родителями и детьми. Часто требования совместной ответственности за домашнее хозяйство, выдержанные в духе эмансипации, предъявляются только до рождения первого ребёнка, а затем они входят в русло традиционных моделей разделения труда или совсем прекращаются. Поэтому именно молодые женщины испытывают болезненное расхождение между желаемым идеалом супружеской и семейной жизни и наличной повседневностью. Их надежды на "партнёрский брак" не сбываются. Когда младшему ребёнку исполняется 6-14 лет, постепенно становится возможным разгрузить родителей от интенсивного ухода за детьми и в конфликтных браках вновь повышается готовность к разводу.

Итак, открытому проявлению супружеского кризиса предшествует, как правило, скрытый подготовительный период, который чаще всего не осознаётся участниками. В большинстве случаев это медленный, затрагивающий обоих супругов процесс деградации брака. Одно французское исследование также показало, что разводу зачастую предшествуют неоднократные попытки разойтись. Прежде всего, из-за детей или по финансовым соображениям супруги всё время откладывают решение о разводе. Наконец, когда вырастут дети, улучшится финансовое положение или усилится процесс деградации брака, они приводят его в исполнение. При этом готовность принять во внимание развод существенно зависит от социального статуса супругов: в браках, где женщины работают, разговоры о разводе заводят чаще.

Профессиональная деятельность женщин как таковая не повышает степень риска. Напротив, эмпирические исследования показали более высокую степень удовлетворения в парах, где женщина имеет «независимую» сферу труда и жизни, с которой связан круг её знакомых и друзей. Следует, однако, допустить, что финансовая независимость работающих женщин (особенно в средних и высших слоях) способствуют тому, что конфликты в браке чаще доводятся до конца и при недовольстве браком чаще ставят на обсуждение возможность развода. Самую низкую готовность довести дело до развода, напротив, проявляют жители аграрных районов, неработающие женщины, а также представители групп населения с самым низким уровнем доходов. Развод означает для них большей частью жизнь за пределами прожиточного минимума.

Некоторые специалисты в области социологии семьи считают, что тенденция к увеличению числа разводов, взятая сама по себе, не внушает опасения до тех пор, пока большая часть разведённых заключает новые браки. Развод представляет собой «в принципе только косвенный комплимент идеалу современного брака и в равной степени свидетельство его трудностей». Такие утверждения показывают, что многократно декларированные старшими поколениями социологов, развивавших пессимистические культурологические концепции, осуждение разводов ныне, в свете самых последних тенденций, не разделяется. С другой стороны, не следует затушёвывать ради элегантной социологической формулировки те несчастья, которые связаны с разводом супружеской пары, её распадом и их последствиями в современных социокультурных и экономических условиях. Наивно было бы надеяться, что расторжение брака, породившего страдания, агрессию, страсть к господству и подчинению, даст только освобождение и не нанесет никакого ущерба. Цифры разводов и без того показывают только вершину айсберга. Вместе с разведёнными по закону следует предположить наличие, во-первых, значительного количества пар, разошедшихся фактически, во-вторых, неизвестного количества несчастных, но из-за детей или по экономическим соображениям или общественным мотивам не распавшихся браков. К тому же

подкрепляющие это суждение наблюдения относятся к 1940 -1960-м гг., когда большинство разведённых стремилось к вступлению в брак, и сегодня, по крайней мере как общее правило, не подтверждаются.

Число вновь вступающих в брак в большинстве стран не растёт и не снижается, тогда как число разводов увеличивается. В 1950 г. Пол Х. Лэндис, учитывая высокий процент повторных браков, ввёл термин «*sequential marriage*», имея в виду последовательную полигамию мужчин и женщин. Как представляется, социокультурное давление, которому раньше подвергались разведённые и которое часто вело к скорым повторным бракам, сегодня ослабло [12].

В целом из представленных здесь вкратце данных социальных исследований о «характере процесса» развода и соответственно предшествующего ему периода можно сделать вывод, что решение о разводе обычно принимается не поспешно и безответственно быстро, как зачастую утверждают противники разводов. Постоянно используемый аргумент, что разводы нарушают право детей на спокойную семейную социализацию, соответствует истине, с одной стороны, прежде всего в том смысле, что многие раздельно живущие или разведённые родители даже после развода «переносят» свои конфликты «на детей». С другой стороны, при этом упускается общественный аспект проблемы: в промышленных обществах важнейшая функция семьи — социализация будущих поколений — обеспечивается только при условии, что родительская пара живёт в достаточно гармоничных отношениях.

Таким образом, разводы не являются «патологическим» явлением современных обществ: они в положительном смысле функциональны, если удаётся остановить разрушительные кризисные тенденции в отношениях двух людей путём изменения их жизненного положения и вернуть им после довольно длительных коллизий, связанных с разводом, как личную способность радоваться жизни, так и готовность по мере своих сил и умений участвовать в жизни общества. В любом случае не следует упускать из вида, что женщины в случае развода часто оказываются обделёнными, так как им приходится сочетать в большей части ухудшившихся экономических условиях домашний труд, уход за детьми и часто также работу. Их практическая возможность найти нового партнёра обычно ограничена, как и психологическая готовность решиться на новые любовные отношения.

Примечания

1. Hardy S.B. Raising Darwin's consciousness: female sexuality and the prehuman origins of patriarchy // Human nature. - N.Y., 1997. - V.8. - N1. P.17.
2. Томпсон Д.Л. Социология. –М., 2001. –С.326.
3. Statistisches Jahrbuch der Bundesrepublik, Stat. Handbuch fur die Republick Osterreich// Hg. Osterr. Statistisches Zentralamt, XXXVI. NF. 1995. –S.104
4. Цит по: Кравченко А.И. Социология: Общий курс. - М., 2003. –С.307.
5. Бойко В. В. Рождаемость: Социально-психологические аспекты. -М.,1985. –С.137.
6. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII-XX вв.) / Пер. с нем. Л.А. Овчинцевой. – М., 1997-С.259.
7. Statistisches Jahrbuch der Bundesrepublik, Stat. Handbuch fur die Republick Osterreich// Hg. Osterr. Statistisches Zentralamt, XXXVI. NF. 1995. -S.288.
8. Council of Europe, Recent Demographic Developments in the Member States of the Concil of Europe. - Strasburg, 1999. - P.66.
9. Брачная карта ООН // <http://history.hanover.edu/europe.htm>
10. Доклад специального комитета полного состава двадцать третьей специальной сессии Генеральной Ассамблеи// <http://www.un.org>.
11. Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. - М, 2002. –С.204.
12. Томпсон Д.Л. Социология. –М., 2001. –С.346.

МАСКУЛИНИЗМ КАК ОТВЕТ НА ФЕМИНИЗАЦИЮ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Начиная с 1970-х гг., сначала на Западе, а затем и в других странах мира (в том числе и в Америке) стали много говорить и писать о том, что традиционный мужской стиль жизни, а, возможно, и сами психологические свойства мужчины не соответствуют современным социальным условиям и что мужчинам приходится платить за свое господствующее положение слишком большую цену.

Одни авторы усматривают проблему в том, что мужчины как гендерный класс или социальная группа отстают от требований времени, их установки, деятельность и особенно групповое самосознание, представления о том, каким может и должен быть мужчина, не соответствуют изменившимся социальным условиям и подлежат радикальному изменению и перестройке. То есть мужчины должны смотреть и двигаться вперед.

Другие видят в социальных процессах, расшатывающих мужскую гегемонию, угрозу вековечным «естественным» устоям человеческой цивилизации и призывают мужчин как традиционных защитников стабильности и порядка положить конец этой деградации и вернуть общество назад, в спокойное и надежное прошлое.

Однако эти споры не уникальны, поскольку мужчины были господствующей силой общества, чей нормальный канон маскулинности и образ «настоящего мужчины» всегда идеализировался. Наибольшие споры проявились в периоды быстрых исторических перемен, когда прежние формы гендерных отношений становились неадекватными, в это время настоящие чувства становились особенно сильными, идеологи начинали писать о феминизации мужчин и исчезновении «настоящей мужественности». В последней трети XX века исторический кризис привычного гендерного порядка стал вызывать растущую озабоченность и недовольство как мужчин, так и женщин. Если в XIX веке в европейском общественном сознании появился так называемый женский вопрос, то теперь можно говорить о появлении особого «мужского вопроса».

Появление организованного и идеологически оформленного женского движения воспринималось мужчинами одновременно как угроза, интеллектуальный вызов и пример для подражания, порождая потребность защищать свои собственные интересы.

Первое «Мужское освободительное движение» (*The Men's Liberation*) зародилось в США в 1970 году в русле либеральной идеологии. Его организационным центром в 1970 – 1980 годах была «Национальная Организация для меняющихся мужчин», которую в 1991 году сменила «Национальная организация мужчин против сексизма» (*The National Organization for Men Against Sexism – NOMAS*). Главный источник всех мужских проблем и трудностей идеологи движения усматривали в ограниченности мужской половой роли и соответствующей ей психологии, доказывая, что от сексистских стереотипов страдают не только женщины, но и сами мужчины: «мужское освобождение, - писал в 1970 году Джек Сойер, - стремится помочь разрушить полоролевые стереотипы, рассматривающие «женское бытие» и «мужское бытие» как статусы, которые должны быть достигнуты с помощью соответствующего поведения. Мужчины не могут ни свободно играть, ни свободно плакать, ни быть нежными, ни проявлять слабость, потому что эти свойства «феминные», а не «маскулинные». Более полное понятие о человеке признает всех мужчин и женщин потенциально сильными и слабыми, активными и пассивными, эти человеческие свойства не принадлежат исключительно одному полу» [1].

Авторы мужских бестселлеров 1970 годов Уоррен Фаррелл, Марк Фейген Фасто, Роберт Брэммон и другие доказывали, что для устранения мужских трудностей необходимо, прежде всего, изменить социализацию мальчиков, образно говоря – позволить им плакать.

В официальной декларации NOMAS (1991) подчеркивается, что «мужчины могут жить более счастливой и полноценной жизнью, бросив взгляд старомодным правилам маскулинности, предполагающим принцип мужского верховенства». Три главных принципа организации – положительное отношение к мужчинам, поддержка феминистского движения и защита прав геев. «Традиционная маскулинность включает много положительных черт, которыми мы гордимся и в которых черпаем силу, но она содержит так же качества, которые ограничивают нас и причиняют нам вред. Мы всячески поддерживаем мужчин, борющихся с

проблемами традиционной маскулинности. Как организация для меняющихся мужчин, мы заботимся о мужчинах и особенно озабочены мужскими проблемами, так же как и трудными вопросами, с которыми сталкивается большинство мужчин» [2].

Социальное освобождение и самоизменение возможно только совместно с женщинами. Гендерная стратификация – это система мужского верховенства, когда мужчины как группа угнетают женщин; изнасилование и другие формы сексуального насилия – лишь крайние формы выражения этого угнетения. Речь идет не просто о защите мужчин, а о борьбе против социального неравенства и гендерных привилегий во всех сферах жизни включая сексуальность.

Совершенно закономерно, что это движение связано с феминизмом, его идеологи и активисты называют себя феминистами или профеминистами. Ключевыми фигурами этого течения стали социологи Майкл Киммея (США) и Роберт Коннел (Австралия).

Особую разновидность его, скорее интеллектуальную, чем политическую, образует социалистический мужской феминизм, находящийся под сильным влиянием марксистского структурализма. В отличие от либерального мужского феминизма, концентрирующего внимание преимущественно на психологических и особенно психосексуальных трудностях мужского бытия, эта группа придает больше значения классовому неравенству, политическим институтам и отношениям власти.

Однако политика, пафос, который направлен на отмену привилегированного положения мужчин, не может мобилизовать под свои знамена широкие мужские массы. Хотя идея «мужского освобождения» получили давно широкое распространение в США, Англии, Австралии, серьезной политической силой это движение не стало. Мужские организации этого типа многочисленны, но малочисленны, представлены в них преимущественно мужчины среднего класса с университетским образованием и леволиберальными взглядами. По своему характеру, это, как правило, «мягкие» мужчины, чей телесный и психический облик порой не отвечает стереотипному образу «настоящего мужчины» – сильного и агрессивного мачо. Мнение, что это преимущественно геи, не соответствует истине (геи и бисексуалы составляют по разным подсчетам от 10% до 30%) [3].

Однако интерес к мужским проблемам часто стимулируется личными трудностями (отсутствие отца, непопулярность среди мальчиков в классе, не удачный брак, трудности отцовства и т.п.). Для многих из этих мужчин общественно-политическая деятельность психологически компенсаторна. Среди обычных мужчин интерес к проблемам маскулинности не высок. В некоторых университетах США уже больше десяти лет преподается курс «мужчины и маскулинность». Казалось бы, он должен интересовать юношей. Но 80 – 90% его слушателей – женщины, а среди немногих мужчин преобладают представители этнических и или сексуальных меньшинств.

Причина этого не в том, что молодые мужчины не имеют проблем (книжки на эти темы хорошо раскупаются), а в том, что они стесняются признаться в этом.

Значительно более массовыми являются правые, консервативно-охранительные мужские движения, направленные на сохранение и возрождение ускользающих мужских привилегий. В противоположность либералам и феминистам, идеологи Американского «Движения за права мужчин» (The Men's Rights Movement) У. Фаррел, Х. Голдберг и другие, видят главную опасность для мужчин в феминизме и растущем влиянии женщин.

Сначала Фаррел был одним из самых рьяных защитников «мужского освобождения», но затем резко изменил позиции. По его мнению, «сексизм» и «мужское господство» – не более, чем мифы, придуманные агрессивными женщинами в целях унижения и дискриминации мужчин. Ни какой «мужской власти» в США не существует. «Иметь власть – не значит зарабатывать деньги, чтобы их тратил кто-то другой, и раньше умереть, чтобы другие получили от этого выгоду».

И на работе и в семье, по мнению правых, современные мужчины угнетены больше, чем женщины, которым всюду даются преимущества. Под видом борьбы против сексуального приставания и насилия женщины блокируют мужскую сексуальность, в семье американские

мужчины бессильны, при разводе отцы теряют право на собственных детей и т.д.

Спасти мужчин может только организованная самозащита, чем и занимаются многочисленные союзы и ассоциации – «Коалиция для свободных мужчин», «Национальный конгресс для мужчин», «Мужские права» и т.п., особенно популярна среди мужчин идея защиты прав отцов вообще и одиноких отцов в особенности.

Важную роль в обоснование и возрождении идеи сильной маскулинности играет протестантский фундаментализм. Еще в начале XX века в США и Англии получили распространение принципы «маскулистого христианства», стремящегося спасти заблудшие мужские души от губительной для них феминизации и изображающего Христа не мягким и нежным, а сильным и маскулинистым.

На волне неоконсерватизма 1980-х годов эта идеология получила новые стимулы. Возникшие в начале 1990-х годов по инициативе бывшего футбольного тренера Колорадского университета Билла Мак Арти движение «Верных слову» (Promise Keepers) воинственно выступает против «феминизации» и «гомосексуализации» общества. Мужскую агрессивность, которую либеральные теоретики хотели бы искоренить, «Верные слову» – считают естественной и неизбежной, все дело в том, как и куда ее направить. В их идеологии нет явной мизогонии, но они утверждают, что колыбелью скоро именно мужчина создан по образу и подобию Бога, он тем самым раз и навсегда поставлен выше женщины. Принцип равноправия подрывает традиционные семейные ценности и дезорганизует общество. Мужчина всюду и везде должен быть главой, ведущим, его сущность и призвание быть ответственным лидером.

Сторонники этого массового движения осуждают пьянство, наркоманию и сексуальное насилие, призывают мужчин «вернуться домой», быть верными мужьями, способными работниками и надежными кормильцами, заботливыми отцами и христианскими джентльменами: «Держи свое слово данное жене и детям, будь человеком слова!»

Защитой семейных ценностей это консервативное движение привлекает к себе симпатии не только мужчин, но и многих женщин. В его первом митинге в 1990 году участвовало лишь 72 человека, а в 1995 году его приверженцами считали себя уже свыше 600 тысяч мужчин в 13 городах США.

Следует иметь в виду, что политико-идеологические позиции некоторых мужских движений неоднозначны, их не всегда можно разделить на «Правых» и «Левых». Особенно сложно в этом плане зародившееся в 1990 годах так называемое мифопоэтическое движение. Оно началось с того, что многие, преимущественно белые, гетеросексуальные и хорошо образованные американцы среднего класса стали посещать собрания и лекции, где обсуждались мужские проблемы. Эти собрания и митинги не только позволяли мужчинам общаться с другом, но и имели психотерапевтическую ценность, давая людям возможность выговориться, преодолеть привычную скованность и обменяться опытом по преодолению типичных мужских трудностей.

Своеобразным манифестом этих мужчин стала разошедшаяся огромным тиражом (свыше 500 тысяч экземпляров в твердой обложке) книга поэта Роберта Блая «Железный Джон» (1990 год).

По мнению Блая и его единомышленников, главная задача современности – направить мужчин на путь духовного поиска, чтобы помочь им восстановить утраченные ими базовые мужские ценности. Во всех древних обществах существовали особые ритуалы и инициации, посредством которых взрослые мужчины помогали мальчикам – подросткам утвердиться в их глубинной, естественной маскулинности. Городское индустриальное общество разорвало связи между разными поколениями мужчин, заменив их отчужденными, соревновательными, бюрократическими отношениями, и тем самым оторвало мужчин друг от друга и от их собственной мужской сущности. (Сходные идеи развивали некоторые немецкие мыслители в начале XX века). Место здоровых мужских ритуалов занимает, с одной стороны, разрушительное, агрессивная гипермаскулинность уличных шаек, а с другой – размягчающая и убивающая мужской потенциал женственность [5].

Блай и его последователи красочно описывают эмоциональную бедность и ущербность

мужских взаимоотношений, будь то отношения сыновей с отцами или отношения мужчинами на работе и в быту, и мечтают восстановить традиции мужского братства и межпоколенного наставничества.

Существуют и другие малозначительные направления в мужском движении, например, движение против призыва в армию, против принудительного отцовства и дискриминации при бракоразводном процессе и ряд других.

Несомненно, в XX веке меняются прочные и устойчивые стереотипы о месте и роли мужчин в обществе. Это обусловлено рядом причин: появлением феминистских организаций, массовое вовлечение женщин в рынок труда, огромное влияние на идеологию СМИ. Именно их усилиями был сознательно создан образ белого мужчины как виновника всех социальных и политических бед, представителя привилегированного класса, в свете чего сама мысль о борьбе мужчин за свои права должна выглядеть нелепо. В СМИ, не прекращаясь волна за волной идут мужененавистные компании, изображая мужчин дьяволами, используя трибуны СМИ, поливаются грязью и само мужское движение, так, например, отцовские организации обвиняются в стремлении просто добиться отмены алиментов на детей.

Доминирующая тема господствующей тенденции маскулинизма – требование гендернейтрального подхода к социальным проблемам – таким как разводы, домашнее насилие, и репродуктивные права. Например, касательно домашнего насилия, мужские организации выступают за то, чтобы полиция, суд, системные и социальные службы прекратили предопределять жертвами только женщин и признали бы, что мужчины также являются жертвами домашнего насилия. Маскулинизм выступает за отцовское право в опеке, за разумную детскую поддержку. Утверждают, что дети нуждаются в обоих родителях, и что разведенные отцы должны обладать правами также как и обязанностями.

Мужскими организациями был создан Фонд Предотвращения Семейного насилия, на котором участники дали клятву прилагать усилия, чтобы остановить дискриминацию отцов. «Более чем 90% инициаторов развода – женщины. Три четверти из малолетних преступников из семей с единственной матерью. Дискриминация отцов в судах во время разводов – просто легендарна. Матери получают опеку более чем на 90% детей – и изгоняют отцов из жизни их детей – с благословения судебной системы. Возраст, в котором дети входят в мир злоупотребления наркотиками, с каждым годом все моложе. Коренная причина всего – выше: изгнание отцов из жизни их детей. Женщины как воспитатели детей не в состоянии справиться с этой задачей. Без отцовского авторитета, семья – и нация – разрушаются [6].

Отцы Америки были пионерами в совместной опеке, добившись законодательного акта в Калифорнии в 1980 году, в результате многолетней борьбы увеличилось и количество мужчин добивающихся единоличной опеки. Удалось добиться судебного прецедента, когда суд впервые в истории Америки освободил мужчину от уплаты алиментов на ребенка, который как выяснилось на момент развода, был вовсе не его, а мужчину жена обманывала на протяжении 11 лет. Сегодня законы, защищающие обманутых отцов, действуют в четырех штатах и готовятся к принятию еще в дюжине. Удалось добиться открытий своих представительств при некоторых университетах и создание первых кризисных центров для мужчин. Активисты мужских организаций принимают активное участие в защите лжеобвиненных мужчин в *Sexual Harassment* и сексуальных преступлениях. И, наконец, в некоторых штатах начаты судебные процессы по признанию наличия различных форм дискриминации и нарушение прав в отношении мужчин, так в частности калифорнийское отделение «Национальной Коалиции Свободных Мужчин» ведет уже многолетний судебный процесс против правительства штата по поводу дискриминального (только в пользу женщин) распределения правительственных фондов.

Итак, мы пришли к выводу о том, что в настоящее время мужчина переживает глубокий кризис, спровоцированный переменами в обществе. Традиционные мужские способы проявления заботы (финансовое обеспечение семьи) не ценятся так высоко как прежде, а вместо этого от мужчин ожидается забота о детях, выражение нежных чувств – то есть, поведение выходящее за границы традиционной мужской роли и требующее навыков,

которыми мужчины не обладают. Однако в нашем обществе отклонение от женской роли воспринимается более спокойно, чем от мужской.

Для того чтобы приспособиться к переменам в мужской роли, мужчинам может понадобиться не только помощь в развитии определенных навыков, но и реорганизация социальных институтов. Отставание перемен в поведении от изменений attitudes происходит от того, что нормы и политика организаций продолжают опираться на традиционные понятия о разделении работы по дому и по этому не способствуют ролевым изменениям. Хотя в последнее время много говорится о большем вовлечении мужчин в семейную жизнь и создается впечатление сдвигов в этой области, но в учреждениях, где работают мужчины, ни какой реальной поддержки им не оказывается (существует очень мало льгот дающих право уходить в отпуск после рождения ребенка, использовать гибкий график, отлучаться на школьные мероприятия).

Примечания

1. Авербух В. Феминизм умер. Да здравствует равенство полов! // Российская газета. 2002. 15 августа. –С.2.
2. Савин О. Декларация NOMAS. - М., 1991. –С.67-69.
3. Кон И.С. Маскулинность как история // [Http: sexsology/narod.ru/publio/018_3.htm](http://sexsology.narod.ru/publio/018_3.htm)
4. Фаррелл У. Миф о власти мужчин. – Минск, 2002. –С.57.
5. Блай Р. Железный Джон / Пер. И. Мережко. - М., 1998. –С112.
6. Фаррелл У. Миф о власти мужчин. – Минск, 2002. –С.108.

ХРЕСТОМАТИЯ

Мэри Уоллстоункрафт

В ЗАЩИТУ ПРАВ ЖЕНЩИНЫ¹

Мужчины, и не без оснований, пеняют нам на нашу глупость и нашу вздорность, но острие их критики не целит в нашу неизбывную пассивность и отвратительное пресмыкательство. Вот они, скажу я вам, последствия невежества! Не будет ум крепок у того, кто питается одними лишь предрассудками, и, если не ставить заслоны мощному течению, оно способно все сокрушить на своем пути, С младенчества женщины впитали, и матери им были в том примером: дабы снискать покровительство мужчин, достаточно лишь усвоить необходимость, играя на человеческих слабостях, изобразить лукавство, покладистость, прикинуться покорной и непременно казаться всегда и во всем легкомысленной. А уж если женщина хороша собой, то больше никаких ухищрений, по крайней мере, на ближайшее двадцатилетие, ей и не потребуется...

Сколь глубоко уязвляют нас те, кто заставляет нас превращаться лишь в ласковых комнатных собачонок! Как часто нам вкрадчиво внушают, что мы покоряем своей слабостью и царствуем благодаря покорности. Ну что за сказки! Сколь же ничтожно, да и может ли мечтать о бессмертии существо, способное унизиться до властвования такими порочными методами!..

Пусть меня сочтут самонадеянной особой, все же я выскажу то, в чем твердо убеждена: все, от Руссо и до доктора Грегори¹, кто писал о женщине, ее воспитании и поведении, неизменно выставляли ее в искаженном свете, показывая как существо более слабое, чем она в действительности является. Не буду делать громких заявлений, в противном случае это прозвучало бы визгливо-искусственно, а не как искреннее выражение моих чувств, того очевидного итога, к которому меня подвели мой опыт и размышления... В трудах упомянутых мною выше авторов... вызывает у меня возражение сама суть, которая отражает, на мой взгляд, стремление принизить значение половины рода человеческого и из всех ценных добродетелей женщины более всего выделить умение угождать.

Однако, если, исходя из посылок Руссо, мужчина к зрелому возрасту достигает некой степени умственного совершенства, естественно было бы ожидать, коль скоро муж и жена есть одно целое, что женщина вправе полностью полагаться на понимание мужчины; тогда и плющ, нежно обвивающий дуб, и дерево, ставшее ему опорой, превращаются в единый монолит, одновременно поражающий и мощью своей, и красотой. Но увы! И мужья, и их подруги зачастую ведут себя как великовозрастные дети, не более. Мало того, разгульная холостая жизнь превратила мужей бог знает во что, так что теперь не требуется пророческого гласа с небес, чтобы предсказать будущность слепого, ведомого слепым.

Руссо утверждает, будто женщина никогда, ни на миг не способна почувствовать себя независимой, что ею надо руководить, внушая страх, тогда лишь выявятся естественные ее прелести, она превратится в кокетку-рабыню, тем самым становясь все более соблазнительной, все более желанной подругой для мужчины, вздумавшего отвлечься от своих дел. Руссо приводит доводы, якобы почерпнутые из естественного мира и даже более глубоких исследований, и проводит мысль, будто любовь к истине и силу духа следует воспитывать не в каждом случае, ибо в воспитании женщины самое главное развить в ней покорность, и свойство это следует внушать со всей строгостью.

Что за нелепость! Грядет ли когда тот великий муж, кто силою разума сумел бы развеять

---

¹ Приведенные ниже отрывки из частей II, III и IV книги М.Уоллстоункрафт "В защиту прав женщины" впервые опубликованы на русском языке в кн.: Феминизм: проза, мемуары, письма / Под ред.М.Шнеир. М, 1992. С. 26-39.

туман гордыни и похоти, застилающий суть этой проблемы! Если женщины по природе своей и ниже мужчин, все равно их добродетели пусть не по степени, но хоть качественно должны быть те же, что и у мужчин, в противном случае² добродетель есть понятие относительное. Соответственно и поведение женщин должно основываться на одинаковых принципах с мужским и иметь ту же цель.

Моральный облик дочерей, жен и матерей определяется тем, как выполняют женщины свои естественные обязанности. Однако целью, великой целью их устремлений должно явиться раскрытие их внутренних возможностей и обретение ими достоинства для осознания своих добродетелей. Пусть стремятся женщины сделать благодетелью свою земную юдоль, но они не должны забывать, как не должны забывать и мужчины, что жизнь человеческая далека от блаженства, уготованного бессмертной душе. Я вовсе не призываю к тому, чтобы мужчины или женщины увлекались умозрительными размышлениями и всяческими мечтаниями, позабыв о своих близких и насущном долге, хотя именно это составляет основу жизненного смысла. Напротив, я с радостью призыву именно к любви и долгу, хотя при этом считаю, что наибольшее удовлетворение от всего этого можно получить лишь при трезвом и взвешенном подходе.

Бытующее мнение, будто женщина создана для мужчины, пошло, пожалуй, с поэтического сказания Моисеева; однако, поскольку лишь немногие из тех, кто воспринимает этот сюжет всерьез, верят, будто Ева и в самом деле взялась из ребра Адамова, такое предположение звучит не слишком убедительно. Разве что из всего этого можно сделать вывод, что еще с незапамятных времен мужчина узрел удобство в том, чтобы силой подчинить себе свою спутницу и этим показать, что ей надлежит пребывать в ярме, ибо мир сотворен исключительно ради удобства и удовольствия мужчины...

Я знаю, отзываться о любви неуважительно — значит предавать глубокие чувства, но я буду говорить немудреным языком истины, который обращен больше к разуму, нежели к сердцу. Пытаться лишить людей любви значило бы изгнать сервантесовского Дон Кихота, да к тому же идти против здравого смысла. Но считается менее возмутительной попытка сдерживать это бурное чувство, утверждая, что нельзя ему позволять низвергнуть верховную власть, вырывать скипетр, который навеки должен быть зажат рукой хладного разума.

Молодость — время любви для мужчин и для женщин; но в эту пору беззаботного веселья стоит задуматься о самом важном периоде жизни, когда

на смену чувству приходит мысль. Однако Руссо и большинство его последователей, писателей-мужчин, с горячностью проповедовали, будто воспитание женщины должно сводиться к одной-единственной задаче — обучить искусству угождать.

Позвольте мне поспорить со сторонниками подобного взгляда, которые так обстоятельно изучили природу человека: не полагают ли они, будто брачный период охватывает всю продолжительность человеческой жизни? Женщина, которую обучили только угождать, скоро обнаружит, что все ее прелести мимолетны, как солнечный луч, и неспособны бесконечно и изо дня в день воспалять сердце мужчины, лишь только лето уйдет безвозвратно. Откуда тогда взять сил для душевного покоя, как возродить к жизни уснувшие возможности? А может, более резонно ожидать, что женщина примется улаживать других мужчин? И в вихре чувств, возбуждаемая мыслью о новых завоеваниях, она попытается забыть свои уязвленные любовь и гордость? Когда супруг перестает быть любовником — а такой момент неизбежно наступит, — желание женщины угождать станет чахнуть или обернется чувством горечи. И, возможно, самая эфемерная из страстей человеческих, любовь уступит место ревности или тщеславию.

Теперь поговорим о женщинах, находящихся в плену принципов или предрассудков. Такие женщины с неподдельным отвращением отшатнутся от любовной интриги, однако при этом они обожают, чтобы любители поухаживать уверяли их, будто мужья к ним преступно

---

² Имеются в виду “Эмиль, или О воспитании” Руссо, а также “Завещание отцов дочкам” доктора Джона Грегори.— Прим. амер. ред.

равнодушны. Или же, долгие месяцы и годы пребывая в мечтах о счастье соития любящих сердец, эти женщины лишаются под конец здоровья, а их душа — покоя. Так можно ли говорить о необходимости овладения великим искусством ублажать? Такая наука достойна лишь любовниц. Благоверная супруга и любящая мать расценит свое умение ублажать лишь как яркий штрих в дополнение к своим достоинствам, а привязанность супруга как некое утешение, делающее ее задачу менее сложной, а жизнь — более радостной. Но любима ли женщина или лишена внимания — все равно ее первейшим желанием должно стать внушение к себе уважения, а не убеждение, будто ради своего счастья следует проявить слабость и покориться.

Подобное заблуждение встречаем мы и у почтенного доктора Грегори. Уважая его чувства, я все же абсолютно не приемлю его знаменитое завещание собственным дочкам...

Доктор Грегори... по существу, призывает к притворству; невинной девушке он советует лгать, скрывая истинные чувства, и не плясать от души, чтобы не прорывался природный темперамент в движениях, не делал их нескромными. Почему бы во имя истины и здравого смысла одной женщине не признать, что она способна на большие физические нагрузки, чем другая? Иными словами, не сознаться, что у нее более крепкое телосложение? Зачем, подавляя ее жизнерадостную невинность, мрачно втолковывать ей, что надо бы принять к сведению, как на это посмотрят мужчины. Да пусть себе думают что хотят! И все же хочу верить, что ни одна здравомыслящая мать не станет сдерживать подобными нелепыми предостережениями искренний и естественный порыв молодости...

Подобного же свойства и совет доктора Грегори насчет многогранности чувств, чего не желает он женщине, выходящей замуж...

Если всем своим сознанием женщина настроена на подчинение мужчине, если с обретением супруга женщина достигает своей жизненной цели и покойна, испытывая мелочную гордость и удовлетворение, заполучив столь заурядный венец, то пусть себе влачит безмятежное существование на уровне пресмыкающегося. Но если в борьбе за высшее свое предназначение взгляд женщины устремлен в будущее, пусть она совершенствует свой разум, не оглядываясь на нрав того, кто дан судьбой ей в супруги. Стоит лишь ей, не слишком заботясь о своем сиюминутном благополучии, решиться развивать в себе качества, достойные истинно разумного существа, и тогда грубость и неотесанность супруга поразят ее как бестактность, но не нарушат ее душевного покоя. Она не станет всем своим существом приспосабливаться к слабостям своего спутника, она воспримет их как данность. Пусть его нрав тяжел, но для добродетели это не помеха.

Я допускаю, что надлежащее образование или, точнее выражаясь, разностороннее развитие позволит женщине достойно вести независимую жизнь. Однако мысль о том, что ей не следует развивать свой вкус, чтобы не подвергать его то и дело оскорблениям мужа, требует некоторого пояснения. Признаюсь, я не понимаю, к чему развитой вкус той, которая продолжает оставаться зависимой от обстоятельств и пока не открыла для себя новые источники счастья в пределах исключительно умственной работы...

Возникает вопрос: болезнен или приятен этот процесс? Мой ответ поможет понять, разумен ли совет доктора Грегори, и покажет, какой абсурдной тиранией является, таким образом, насаждение системы рабского подчинения; а может, попытается открыть нравственным душам новые законы, отличные от выводимых здравым смыслом с помощью чистого разума и применимые для всего рода человеческого.

Мягкость нрава, покорность, долготерпение — что за милые ангельские качества... Но как преобразуется женская мягкость, становясь скрытым следствием зависимости, опорой слабого существа, способного любить из желания быть опекаемым, существа терпеливого, молча сносящего унижения, с улыбкой, не смея роптать, съезжившегося под занесенным хлыстом...

Как жить женщинам, когда не будет ни брака, ни супружеской жертвенности, нам неизвестно. Ибо, хоть наши моралисты единодушны во мнении, что именно мужчина всем ходом и всеми обстоятельствами нашей жизни подготовлен к будущему, они постоянно

соперничают друг с дружкой, как бы надежнее закрепить женщину в настоящем. Потому основными достоинствами женского характера неустанно провозглашаются мягкость, покорность, собачья преданность. А один автор, презрев непреложные законы природы, объявил, будто грусть—мужское свойство, не женское. Женщина же создана быть игрушкой для мужчины, его веселой погремушкой, к которой он может обратиться всякий раз, когда, устав от дум, захочет, чтобы его развлекали...

Если женщины способны в действительности вести себя как разумные существа, то нельзя обращаться с ними как с рабынями или как с домашними животными, друзьями человека, низшими по разуму. Нет, надо развивать ум женщин, ограждая их здоровыми, возвышенными жизненными принципами, и пусть женщины, обретя достоинство, почувствуют себя зависимыми лишь от Господа Бога. Пусть учатся, подобно мужчинам, не поддаваться, но следовать необходимости, и тогда женщины станут еще более привлекательным высоконравственным полом.

Могут сказать, что все это — утопические мечты. Благословен будь Тот, кто вдохнул их в меня и придал смелости моему уму, так что я могу, обретая лишь в Нем едином поддержку всем делам своим, отваживаться высказывать собственное мнение, покуда существуют повсюду возмутительные предрассудки, закабаляющие представительниц моего пола.

Я испытываю любовь к мужчине как к равному себе. Но для меня не существует его верховенства, законного или узурпированного, разве только ум его внушает почтительность. Но и тогда я преклонюсь перед его разумом, не перед самим мужчиной. Ведь поведение человека, отвечающего за свои поступки, определяется его собственным мышлением: иначе — на чем основано величие Господа?

Мне представляется необходимым повторять эти очевидные истины, поскольку женщин к ним не допускают. Умалая их добродетели, способные составить истинное украшение человечества, женщин наделяют взамен фальшивыми достоинствами, благодаря которым они способны терпеть преходящее тиранство. Любовь женщины, призываемой быть лишь возлюбленной, заслоняет в ее душе иные благороднейшие чувства и основана на чувственности, а не на уважении. И эта низменная страсть, подобная рабскому обожанию черню своего императора, разрушает всю мощь человеческой личности. Свобода мать истинной добродетели, и, если женщины и впрямь рождены невольницами, которым не дано вдыхать острый животворный аромат свободы, значит, их участь — чахнуть, подобно экзотическим цветам, и называться прекрасной ошибкой природы...

Если физическая сила, и не без оснований, составляет предмет гордости мужчин, отчего женщины столь ущербны, что способны гордиться своими слабостями? Руссо улестил женщин неким красящим оправданием, выказав образчик чисто мужского ума вкупе с безудержной фантазией... будто женщин нельзя корить за то, что они уступают естественной страсти, удовлетворяя распутное тщеславие мужчин, так как это происходит без насилия над присущим романтическому полу чувством стыдливости.

Одурманенные подобными заверениями, женщины порой считают свою слабость за доблесть и обретают власть с помощью лукавства или игры на слабостях мужчин. Они, бесспорно, могут гордиться таким запрещенным приемом, ибо, подобно турецкому паше, зачастую обладают даже большей властью, чем верховные правители. Однако здесь добродетель приносится в жертву временному удовлетворению, а благоприличие — мимолетной победе...

Но если считать, что женщина создана не только для того, чтобы удовлетворять страсть мужчины или быть слугой своего властелина, которому ну-

жен вкусный стол и чистая постель, тогда первойшей задачей тех матерей и отцов, кому воспитание дочерей не безразлично, должно стать если не укрепление здоровья последних, то по крайней мере старание не навредить их здоровью ложными представлениями о красоте и величии женщины...

Ради сохранения красоты — этого предмета тщеславия женщины! — все члены, все ее движения скованы какими-то чудовищными корсетами, и, в то время как мальчишки резвятся

на свежем воздухе, сидячий образ жизни, на который обречены девочки, способствует размягчению мышц, ослабляет нервную систему. Что до заявлений Руссо... будто у девочек естественная, стало быть врожденная и независимая от воспитания, любовь к куклам, переодеваниям и сплетням,— то это такая наивность, которую и всерьез воспринимать не стоит...

Думаю, что в своей жизни я имела возможность лучше изучить поведение девочек, нежели Жан Жак Руссо. У меня хорошая память, я внимательно впитывала все, что видела вокруг. И я не только никогда не соглашусь с его оценкой рассветных лет развития женского естества, но осмелюсь утверждать, что всякая девочка, чей характер не отмечен пассивностью или чье невинное сознание не развращено превратным чувством стыдливости, непременно сорвиголова, и кукла ее внимания не привлечет, разве что в данный момент лучшего занятия не найдется. Иными словами, девочки и мальчики могут прекрасно играть вместе, если ощущение разности полов не достигнет их раньше времени. Пойду дальше и возьмусь утверждать как неоспоримый факт, что, насколько мне известно, большинству женщин, отличающихся разумным поведением и выказывающих живость ума, удавалось порой освобождаться из-под опеки...

Ну почему женщины, и я пишу об этом с тревогой и озабоченностью, опускаются до того, что от кого угодно принимают знаки внимания и почтения такого рода, которые в соответствии с законами общества и цивилизованными нормами вежливости неприемлемы по отношению к мужчине? Как могут женщины, пребывая “в зените великолепия красоты”, не замечать, что их превозносят, точно королей, лишь затем, чтобы обмануть пустым почитанием, заставляя их в это же самое время отречься от своих естественных привилегий или не признавать их вовсе? Запертые, точно птицы в клетке, женщины не имеют больших забот, как чистить перышки да прохаживаться с комичным видом по жердочке. Да, это так: им не приходится зарабатывать на пищу и на туалеты, женщина не утруждает себя работой, даже пальцем не пошевелит. Но взамен она отдает свое здоровье, свободу и добродетель...

Какая жалость, что женщин изо дня в день развращают пустячные знаки внимания, которые мужчины считают проявлением мужского отношения к слабому полу и которые оскорбительнейшим образом питают их собственное чувство превосходства. Поклон подчиненному не есть унижение. Признаюсь, мне столь нелепыми кажутся подобные расшаркивания, что я едва сдерживаю улыбку, видя, как мужчина всерьез, с видом готовности и услужливости, бросается поднимать шаток, оброненный дамой, или распахивать

перед ней дверь, которую она и сама могла бы раскрыть, стоило протянуть лишь руку.

У меня внезапно возникло одно неудержимое желание, и пусть меня засмеют, но я не могу его не высказать. Клянусь, я хочу понять, каковы отличительные черты пола, к которому в обществе относятся не с любовью, а с презрением. Ибо я твердо убеждена, что в этом определении заложена слабохарактерность, приписываемая женщине: в нем причина непонимания нашего пола при всех стараниях с нашей стороны и в этом же причина предпочтения красоты героическим достоинствам женщины...

Женщинам редко выпадает серьезное занятие, которое притупляет чувства; круг незначительных забот или исполнение тщеславных капризов распыляют ум и здоровье, женщины становятся лишь естественными объектами чувств. Иными словами, вся суть воспитания женщин (воспитания их обществом) в том, что лучшие представительницы нашего пола выставляются романтически непостоянными, тогда как прочие — злобными и тщеславными. Боюсь, при нынешнем состоянии общества этот порок вряд ли устраним даже частично. Если когда-нибудь для женщин станет реальной более благородная цель, тогда они, возможно, окажутся ближе к природе и разуму и, вызывая к себе все больше и больше уважения, станут более добродетельными и полезными для общества...

Что касается добродетели, понимаемой мной в широком смысле, хочу обратиться к известной мне жизни низших слоев. Многие бедные женщины трудятся в поте лица, чтобы суметь вырастить детей и укрепить разбросанные по всему свету стараниями отцов семьи. Однако женщины высшего класса слишком праздны и не способны активно делать добро; они

не столько облагорожены, сколько изнежены цивилизацией. Должна признаться, то благоприятное впечатление, что я вынесла, наблюдая жизнь бедных, не имеющих доступа к образованию женщин, однако способных на героические поступки, значительно укрепило меня во мнении, что пустячные занятия женщины порождают и пустячное к ней отношение. Предоставляя мужчине свое тело, она притупляет свой ум; а поскольку физическая любовь как излюбленный вид его досуга обессиливает мужчину, он будет пытаться подчинить себе женщину: и кто скажет, сколько еще потребуется поколений, чтобы свободные потомки нынешних жалких рабынь предстали во всем многообразии своих талантов и добродетелей?

Роберт Шиффер

ФЕМИНИЗМ, БЛАГОРОДНАЯ ЛОЖЬ

Платон обосновывает в своей "Республике", что для того чтобы построить надлежащую Утопию, необходимо будет изобразить богов как добродетелей, независимо от того, что Гомер и другие авторы, написали о них. Следовательно, цензура и обман были отмечены как необходимое для прививания достоинства: "ложь в некоторых случаях, полезна и не ненавистна." [1] Это стало известным как Платоновская "Благородная Ложь". В нынешнем веке другой потенциальный строитель Утопий почти незаметно адаптировал Благородную Ложь в преследовании своих целей, используя цензуру и обман, при этом так или иначе, все же сохраняя ауру моральной чистоты: политкорректное феминистское движение, которое господствует, не встречая критики, в академиях и правительстве.

Мир, каким он изображается современной феминистской идеологией, весьма специфичен. Она преподает историю, которая отличается от общепринятой исторической науки, включая в нее лишь выборочные фрагменты и проповедует парадоксальный подход к этике, в которой правильность действий зависит в большей степени от того, кто их выполняет. Мировое представление, созданное современным феминизмом, имеет много общего с фокусником, способным ловкостью рук и ухищрениями продемонстрировать поразительные трюки, но при условии, если смотреть на них под определенным углом и не допускать никакой критики или исследований. Действительно, трудно подавить подозрение, что причины, по которым феминистки всегда настаивали на отдельном департаменте для программ их "Женских студий", состоят в том, что им необходима свобода от критики, которая, несомненно, имела бы место, если бы их воззрения рассматривались на общих основаниях с остальными дисциплинами.

Феминистки далеко зашли с этим обманом, потому что широко распространенное и успешное внушение мужской вины позволяет феминисткам заявлять, что любое критическое исследование их сомнительных требований приравнивается к "обвинению жертвы." Вдобавок, галантные чувства заставляют большинство мужчин чувствовать, что так или иначе несправедливо "нападать на женщин," даже если те же самые женщины извергают ядовитые оскорбления в процессе энергичных нападок на мужчин. Результатом явилось то, что согласие на выборочную правду, полуправду и откровенную ложь было некритически воспринято большей частью образованной публики. В Утопическом государстве Платона, законы давали монопольное право на ложь; через осуществление правил "враждебной речи" в университетских городках (и в некоторых случаях критика феминистской доктрины рассматривалась как "враждебная речь"), современные академические феминистки ищут ту же самую привилегию.

Одной из наиболее очевидных нелепостей, преподаваемых в качестве женской истории является предполагаемая эра "Идиллической Богини", чьими хорошо известными сторонниками являются - Мариджа Гиматус и Райн Ислер, которые породили большое количество некритических, эмоционально-заряженных статей и книг. Что является - новым завихрением на тему "древнего матриархата", которая долго была популярна среди марксистов и феминисток. Феминистки часто с насмешкой говорят о последних нескольких

тысячелетиях как о периоде "возвышения патриархата," имея ввиду, что некогда все было иначе. Гиматус, бывший профессор индо-европейских исследований в Университете Калифорнии в Лос-Анджелесе, утверждала, что Европа времен Неолита наслаждалась миром, равенством, в том числе, и среди полов, но с акцентом на особое отношение к женщинам, пока не была уничтожена вторжением варварских патриархальных индо-европейских захватчиков более четырех тысяч лет назад. Она пропагандировала эту идею в большой, красиво-иллюстрированной книге, украшенной изображением предполагаемой богини того периода.

Фактически все профессиональные коллеги Гиматуса отклонили ее видение идиллической богини, с комментариями подобными "Гиматус порядком занесло," или "о, мой Бог, это снова Мариджа". [2] Сторонники теории Идиллической Богини преподают свой вариант "Изгнание из Эдемского Сада". В этой новой версии человеческий род был изгнан из рая из-за грехов мужчин, но не женщин; в канонической версии Книги Бытия женщина, возможно, согрешила первой, но ответственны за грех были оба. Обратите внимание, что в феминистской басне, мужчины - единственные, кто ответственны за зло, а все женщины преподносятся хорошими. Эта идея вновь и вновь встречается в феминистской мысли, недвусмысленно подразумевая моральное превосходство женщин. Другие феминистки заявляют, что им удалось обнаружить в труднодоступных местах мира племена с полностью перевернутыми половыми ролями или же гендерно-равными взаимоотношениями. Предполагаемые матриархаты, подобно предполагаемым проявлениям паранормальных способностей, способны завораживать, но никогда не наблюдались непосредственно. Звучали заявления о существовании современных "матриархатов" в отдаленных местах в Африке, Азии, Мадагаскаре, или где-нибудь еще, но, на все требования предоставить обоснования и доказательства, во всех случаях не было предоставлено ничего. Самое современное очередное "обнаружение" "непатриархального общества" случилось на отдаленном острове Ванатинаи в Папуа Новая Гвинея [3]. Однако, при ближайшем рассмотрении оказалось, что, даже при том, что некоторые женщины там иногда обладают значительным влиянием, подавляющее большинство влиятельных людей там - мужчины (точно как и в нашем обществе).

Некоторые просто путают существующие "матрилинейные" или "матрилокальные" общества (означающие первичную роль матери в наследовании собственности или в определении места жительства, соответственно) с несуществующими "матриархальными" (управляемыми женщинами). В матрилинейном или матрилокальном обществе, женщина типично находится под властью мужских родственников ее матери, больше, чем ее мужа. Позже антрополог Элеонор Ликок, феминистка и марксист, определила как гендер-равное общество Montagnais-Naskapi, существовавшее в 17 в. в Квебеке, чей равный гендерный статус, как считают, был отмечен ранними христианскими миссионерами перед тем, как аборигены были ввергнуты в их текущее патриархальное состояние западным колониализмом и притеснением. [4] Однако, заявление Ликок полностью иллюзорно, нуждаясь в выборочном упущении утверждений типа "я никогда не слышала, что женщины жаловались, что их не пускали на праздники, потому что мужчины ели хорошие куски, или потому что они должны были много работать" [5]!

Другие феминистские ученые искажают, небрежностью или обманом довольно извортливое описание Маргарет Мид мужчин племени Tchambuli как "слабых", заявляя, что оно демонстрирует общество, в котором обычные сексуальные роли были полностью изменены. Они беззастенчиво игнорируют факт, что мужчины Tchambuli были буквально кровожадными охотниками за головами, которые хранили в качестве трофеев обглоданные головы своих врагов. Называть таких жестоких воинов "слабыми" - означает неправильно использовать само слово. Мид сама неоднократно опровергала, что ей когда-либо удалось обнаружить общества с полностью перевернутыми половыми ролями. Тем не менее социолог Стивен Голдберг нашел, что 36 из 38 новых учебников по социологии истолковывают предположительное открытие Мид перевернутых половых ролей в Tchambuli как "доказательство", что сексуальные роли определяются окружающей средой. [6] Подобного рода ложь преподается сегодня студентам от имени феминизма. Суровая реальность

заключается в том, что ВСЯ история человеческого рода, от настоящего времени до самых ранних письменных текстов, является непрерывной летописью Патриархата, возможно, идущего от самых примитивных наших предков (так шимпанзе демонстрируют ярко выраженное мужское господство). В каждом человеческом обществе, без исключения, лидерство связано с мужчиной, а уход за детьми с женщиной...

Таким образом, толкования сторонников влияние окружающей среды впадают в бесконечный регресс, и находят сами себя постулирующими беспричинную причину: мужское господство, которое мы наблюдаем в каждом обществе, как считают, является следствием социализации, и все же социализация, которая всегда кончается мужским господством не имеет никакой причины, но почему-то "всегда была". Стивен Голдберг убедительно доказывает, что популярное трактование "социализации", призванное объяснить сексуальные роли путает причинно-следственные связи.. Он пишет, что феминистские теоретики "делают ошибку, рассматривая социальную окружающую среду как независимую переменную, тщетно пытаюсь, объяснить, почему социальная окружающая среда всегда соответствует установленным пределам и берет направление, согласующееся с физиологией (то есть никогда окружающая среда не действует как достаточный противовес, чтобы позволить обществу избежать мужского господства)" [7] Другими словами, это не правда, как заявляют феминистки, что общества изобретают произвольные сексуальные роли, а затем развивают псевдонаучные концепции биологических сексуальных различий, чтобы оправдать нормы общества. Скорее, общества наблюдают образцы поведения, которые биология неизбежно воспроизводит, затем пытается социализировать женщин и мужчин в роли, которые, как это ожидается, они будут способны выполнять. Следовательно, согласно Голдбергу "социализация" является зависимой переменной, а не независимый, как обычно предполагается...

Современные политкорректные феминистки, подобно марксистам, чувствует обязанность постулировать влияние окружающей среды на все связанные с полом различия в поведении, потому что, как только биологические различия будут допущены как уместные факторы, предположение, что женщины - "жертвы дискриминации" не может быть поддержано. Если любые мужчина-женщина различия в поведении и выборе карьеры признаны как врожденные и реальные, тогда "пустая гипотеза" - предположение, что в отсутствии дискриминации никаких различий в этих двух группах не наблюдалось бы - больше не надежна. Феминистки были бы тогда поставлены в положение необходимости отделить эффекты так называемой "дискриминации" от биологии, ясно, невозможной задачи. Следовательно, биологические различия мужчина-женщина должны быть объявлены *ipso facto* (в силу факта - лат.), как не имеющие заметных последствий. Биолог Гарретт Хардин обращает внимание, что эпитет "биологический детерминизм", несущий "выражение абсолютной жесткости," является "чучелом, возведенным для удобства полемистов; мы прекрасно могли бы игнорировать его." И добавляет: "Если предположить, что, человеческое поведение является не предопределенным наследственностью, необходимо и допустить, что человек - не часть природы. Дарвинизм предполагает, что является. Дарвинисты утверждают, что бремя доказательств падает на тех, кто утверждают противоположное."

Философ Майкл Левин описывает феминистскую теорию как форму "Креатонизма", которую он определяет как "Отказ применять эволюционную теорию к человеку. Без разницы, является ли этот отказ следствием следования догмам Священного Писания или обязательствами по отношению к некой светской идеологии."

Он упрекает "ученые, такие как Ричард Левонтин и Стивен Джей Гоулд, принимают полностью натуралистическую позицию ко всем живущим существам, кроме человека." [8]

Факт, что мужчины имеют намного большую физическую силу, чем женщины, не может быть признан фактором, допускающим преобладание мужчин на тяжелых работах; недостаток женщин в таких местах вместо этого приписан "неблагоприятной рабочей окружающей среде", созданной мужчинами-сексистами. Если же признавалось, что на самом деле очень мало женщин хотят выполнять такую работу, это объяснялось последствиями промывания

мозгов и отрицательным влиянием патриархальных стереотипов, так же как и преобладание мужчин на высокооплачиваемых должностях видится как свидетельство обширного заговора, призванного держать женщин вдалеке от лучших рабочих мест, несмотря на то, что, когда мы учитываем факторы, типа количества рабочих часов, образование, различия почти исчезают. [9] И то, что женщины тратят гораздо большее количество денег на себя - деньги, заработанные для них большей частью мужчинами, - никогда даже не рассматривается. Если бы действительно было бы так, что женщинам платили бы 59 центов на каждый доллар, зарабатываемый мужчинами за выполнение той же самой работы при той же самой квалификации, то никакой бизнес не мог бы быть конкурентоспособным, если бы он использовал мужчин.

То, что различия в карьерных выборах могут идти от обоюдных предпочтений и независимого выбора, сделанного двумя группами, имеющими значительную внутреннюю психологическую разницу - не допустимая гипотеза, несмотря на то, что она кажется очевидной любому другому обществу, кроме нашего. Никакое объяснение не будет удовлетворительно для современных феминисток, если оно не изображает мужчин эксплуататорами, а женщин жертвами (толкование, которое непосредственно противоречит требованию феминизма верить в "строгое равенство").

Чтобы защищать гипотезу заговора в сфере занятости, феминистки должны доказать, что не имеется никаких подлинных, врожденных различий в навыках, внимании и способностях женщин и мужчин, или же такие различия могут существовать, но не иметь абсолютно никакого заметного эффекта. Как только такие различия допущены как значащий фактор, влияющий на выборы карьеры и деловые качества, причина предполагаемой вездесущей "дискриминации" исчезает. Далее, фактически в каждом виде спорта, в котором ведутся строгие отчеты, мужчины последовательно и существенно превосходят женщин по скоростным и динамическим характеристикам. Эти различия не пустяковы; они обычны для талантливых мужских атлетов в колледже, чтобы бросить вызов женским мировым рекордам в их спорте.

Большинство феминисток неохотно допустит, что, по крайней мере, в спортивных состязаниях различия в показателях между женщинами и мужчинами - результат врожденных факторов, а не социально созданных условий. Никакое количество политико-идеологической обработки не превратит женского атлета в представительного linebacker для Национальной Футбольной Лиги. Это может поместить феминисток в курьезную позицию аргументирования, что врожденные факторы влияют на глубокие различия между мужчинами и женщинами в каждом виде спорта, но абсолютно ни в чем ином. Майкл Левин доказывает, что абсурдно утверждать, что не нет никакой оплаченной работы вне атлетики, где навык, стойкость и скорость, проявленные в атлетике, дают преимущество. [10] Конечно, как только феминистки допустят различия в половых способностях, они должны будут признать, что мужское превосходство, демонстрируемое в этих видах спорта, относится ко внутренним факторам, а не к "дискриминации" или "социализации". Верно, это - идеология, а не логика, которая порождает гипотезу об абсолютной взаимозаменяемости мужчин и женщин (или, более точно: феминистки будут отрицать постулат взаимозаменяемости, но при этом энергично защищать все, что из него следует)...

Эта идеология стремится заменить либеральный идеал "равенство согласно закону" зловещим "некоторые - более равные, чем другие", наделяя женщин специальными правами и специальной защитой, недоступными мужчинам. Один из наиболее ярких примеров феминистского требования "более равные, чем другие" - статус однополых школ. Небольшое число остающихся мужских учебных заведений, главным образом, военной ориентации, типа Военный Институт и Цитадель Вирджинии, находятся под неумолимым политическим и юридическим давлением со стороны феминисток, которые называют однополые мужские школы дискриминацией. И возможно, это так и есть, вы спросите? Однако, когда несколько лет назад руководство женского колледжа в Окленде, Калифорния, решило по их собственным причинам, совершенно без принуждения, начать допуск мужчин, та же самая неутомимая

феминистская камарилья обрушила на руководство колледжа все свое давление, принуждая его отозвать свое решение и сохранить колледж исключительно для женщин. (При разговоре с наивной аудиторией, однако, феминистки будут утверждать, что они "хотят только равенства"! Но в действительности, любая феминистка, кто утверждает, что "хочет равенства", на самом деле, хочет определять, какими привилегиям она желает пользоваться.)

Оправдание для сохранения однополой направленности колледжа звучало так, что де мужчины имеют тенденцию доминировать в классе вследствие их большего уровня агрессивности, создавая потребность для женщин иметь 'их собственную лигу', где они могут учить и обсуждать что-либо в их собственном более мягком темпе. И я не сомневаюсь, что мужчины действительно доминируют в классах во время обсуждений и проявляют большую активность, чем женщины. Феминистки, которые аргументируют таким образом, однако, находятся в уязвимом положении, поддерживая теорию, что, в то время как мужское господство в классных комнатах вызвано большей агрессивностью мужчин, мужское господство в мире бизнеса не имеет никакого отношения к мужской агрессивности, но - полностью результат несправедливого, секретного заговора против женщин. В стране чудес современного феминизма, однополое образование является или очень необходимым или очень злым, в зависимости от того, какой пол исключается, и средняя более высокая мужская агрессивность, одновременно позволяет и не позволяет преобладать над женщинами в зависимости от того заключения, которое должно быть доказанным. Все аргументы в рамках феминизма, в конечном счете, сиюминутны: одно не подлежит сомнению, все, что доказывает в настоящий момент преследование, дискриминацию, притеснение. Нет никакой необходимости, чтобы аргумент, который использовался сегодня, был совместимым с теми, что использовались вчера или будут использовать завтра. Мужчины одновременно более агрессивны и нет - лучше в математике, более активны, и т.д., в зависимости от того, что требуется остротой момента. Феминисткам нет нужды беспокоиться, что кто-то возразит им, что сегодняшний аргумент противоречит вчерашнему. Всякий, кто попытается сделать так, будет заклеен "врагом женщин," (что-то это напоминает, не правда ли? - прим. пер.) и изгнан из движения. Должным образом - политкорректная феминистка никогда не критикует свою "сестру-феминистку", независимо от того, что та говорит, но вместо этого просто "слушает разнообразие женских голосов."

Вопрос, который я задаю следующим: где - все эти "разумные феминистки"? Ответ неизменен - они сидят рядом со мной, или в офисе внизу хола; все же так или иначе эти предполагаемые "умеренные" голоса не играют абсолютно никакой роли вообще в формулировании главной общественной политики. Некоторый более или менее "разумные", но все же политически неэффективные феминистки защищают их роли, указывая на незначительный успех там, где "хорошие феминистки" были способны слегка смягчить вредную политику (принуждение, цензура, и т.д.) плохих феминисток. Мой ответ заключается в том, что, если все, что "хорошие феминистки" могут выполнять, оппозиционирует, с эффективностью меньше чем 100 %, вреду, нанесенному 'плохими феминистками,' тогда общество выиграло материально бы без феминисток в целом.

Нас убеждают, что самая большая феминистская организация в Америке, и наибольшая циркуляция феминистских журналов, каждый из которых бесконечно раскручивает образ женщин в качестве "жертвы" при энергичном лоббировании специальных привилегий и квот (и (или недавно, так было) каждый возглавлялся лесбиянкой [11]), являются "нетипичными" относительно того, во что типичная феминистка верит и что делает. И снова, это не более чем дешевая риторическая уловка: по определению, самые большие организации и публикации в любом движении - являются представителями этого движения. Будь они непредставительны, некоторые другие участницы могли бы сделать шаг вперед, и создать иное, еще большее. Каждый вынужден заключить, что все разумные феминистские цели были достигнуты уже много времени назад, но нынешние усилия удваиваются, чтобы успеть достичь как можно больше неразумных целей, прежде чем появится сколь-нибудь значительная оппозиция.

Никакой разумный человек, как кажется мне, не может отрицать, что женщины и

мужчины должны иметь те же самые юридические права в вопросах карьеры, владения собственностью, и т.д. И на практике редко, когда такие права сегодня отрицаются. Аналогично никакой разумный человек не может ожидать, что "равенство возможностей" автоматически превратится в "равенство результата" для двух групп, столь же различных как женщины и мужчины. Все же основное объяснение современных феминисток заключается в том, что различия являются следствием дискриминации, исходящей от общества, которое несправедливо к женщинам, и главная причина этого - несправедливое обращение мужчин с женщинами, которые не желают поделиться с последними своими так называемыми "привилегиями". Все другие факторы и вариации автоматически игнорируются: различия между женщинами и мужчинами в физической силе и выносливости; беременность и возвращение ребенка, которые вырывают женщин из рабочей среды; реальные различия между мужским и женским мозгом; изменяющиеся настроение, эффекты мужских и женских гормонов, и т.д. Все эти реальные различия должны быть приписаны мужскому вероломству и жадности.

Также кажется мне, что ни один разумный человек не может отрицать моральное равенство женщин и мужчин: ни один пол не может заявлять, что он более совершенен, чем другой. Тем не менее это именно то, что современный феминизм пытается отрицать. Некоторые заявляют прямо, что женщины морально превосходящий пол [12]. Другие отрицали бы такое явное утверждение, но давали бы понять это косвенно, посредством непрерывного описания мужчин как жестоких эксплуататоров, а женщин как их невинных жертв. Как можно одновременно верить в моральное равенство двух групп, одновременно утверждая, что одна из них "эксплуатировала" и "угнетала" другую? Вера в моральное равенство полов подразумевает веру, что универсальное человеческое ожидание мужского господства и женского подчинения является в некотором смысле 'естественным' и надлежащим; отрицать одно, значит отрицать и другое.

Что касается современного Американского общества: женщины живут в среднем на семь лет дольше, чем мужчины; домашнее хозяйство с женщиной во главе имеет доход на 41 % выше, чем таковой у мужчины (и это несмотря на то, что средняя женщина работает далеко меньшее количество часов в год, чем средний мужчина). Женщины составляют 55 % текущих выпускников колледжей. Они утверждают, что их дискриминируют в политике, все же женщины имеют на семь миллионов избирательных голосов больше, чем мужчины, им почти автоматически присуждается опека над детьми. Жертвы тяжкого криминала в подавляющем большинстве - мужчины, и жены нападают на мужей более часто, чем наоборот. Женщины могут хладнокровно убить спящего мужа или любовника, а затем заявить о самозащите в качестве "битой женщины", и очень вероятно получают только самое легкое наказание или возможно даже никакого, даже в отсутствие любого доказательства, что их фактически "били!" (Но нет никакой защиты для "битых мужчин".)

В среднем мужчина проводит в заключение на 50% больше времени за то же самое преступление, чем женщина, и вероятность для мужчины умереть в тюрьме в десять раз выше, чем для женщин. Уровень самоубийств среди мужчин в четыре раза выше, чем среди женщин. Двадцать четыре из двадцати пяти видов работ, определенных как наихудшие в терминах оплаты и условий имеют одно сходство: все они на 95-100 % заняты мужчинами. Среди погибших от производственных инцидентов 94% - мужчины, как и 96% из тех, кто погибли во время войны в Заливе. Если мужчины предположительно устроили все настолько замечательным для себя, то почему они умирают искалеченными, убитыми или убивают себя значительно чаще, чем женщины, которые заканчивают свою жизнь с большим количеством денег, несмотря на то, что меньше работали? [13] Игнорируя неудобные факты, подобно вышеупомянутым, феминистки продолжают раскручивать миф, что женщины - "жертвы" несправедливого общества, созданного и управляемого властными, безразличными мужчинами для их собственной персональной выгоды. В действительности куда больше смысла называть современных американских женщин привилегированными, нежели угнетенными.

Мировое видение, сформированное современным политкорректным феминизмом,

единственный вид, который играет роль в формировании общественной политики - карточный домик. Он требует, чтобы его адепт перепрыгивал с одной неустойчивой ветви на другую, никогда не будучи полностью уверенным, являются ли сексуальные различия в поведении иллюзорными или реальными, но незначительными; являются ли женщины точно такими же, как и мужчины, или эмоционально и нравственно их превосходят, ориентируясь на жизнь (в отличие от мужчин, которые любят смерть); переход от "абсолютного равенства" к "специальным условиям", зависит от преимуществ в определенных обстоятельствах. Женщины одновременно сильны и независимы, полностью подготовлены, чтобы преобладать в аду боя, в то же самое время столь слабы, чтобы нуждаться в специальных правилах, под которые они получают компенсационные преимущества, чтобы помочь им в соревновании с мужчинами; они также нуждаются в юридической защите против нежелательных сексуальных посягательств и грязных шуток. Это во многом напоминает магический шелк фокусника, который с каждым своим новым появлением из рукава мага, окрашивается в иной цвет. Опыт показал, что на эти возражения по поводу феминистского абсурда феминистки отвечают как правило оскорблениями и яростью, нежели аргументированным тезисами, такую же оборонительную тактику используют фокусники, которые приходят в бешенство, когда видят, что их обман раскрыт.

Но не разоблаченная ложь может нанести большой вред, особенно, когда она кончается подозрением, враждебностью и завистью между полами там, где любовь часто имела обыкновение существовать так давно, как поколение назад. Ни в каких других странах политкорректный феминизм не получил такой власти как в Англо-Американском мире, особенно в США и Канаде (что является само по себе интересным: почему Европейские женщины в значительной степени отказались участвовать в Войне Против Мужчин?). Как следствие, мы имеем самый высокий уровень разводов в мире, разрушающуюся образовательную систему, и неукротимую спираль растущей преступности и социальную патологию. Недавние исследования демонстрируют мощную корреляцию между этой социальной патологией и детьми из семей без отца [14]. Остается лишь найти сколь-нибудь большое общество, которое может оставаться цельным без жизнеспособной семьи, в которой растут психологически здоровые дети; история не обнаруживает таких примеров. Можно пытаться доказывать, что американская семья умерла от естественных причин, но после исследования глубины и свирепости нападений феминисток на женские роли в качестве жены и матери, такой аргумент вряд ли выглядит убедительным.

Нитше предупреждал против систем этики, основанных на том, что он назвал *ressentiment*, которые претендуют представлять сострадание при фактическом воплощении тайного разрушительного действия теми, кто бессильно желают мести тем, кому они завидуют. Он процитировал Христианскую этику как первичный пример такой системы. [15] Мы не должны быть не в состоянии замечать, что современный политкорректный феминизм - непосредственный отпрыск марксизма, - оба проявления *ressentiment* [16].

Несмотря на его успех в маскировке как безопасного и даже благородного движения, посвященного 'простой справедливости', современное феминистское движение - это фактически Благородная Ложь. Независимо от того, сколько людей были искренне убеждены, чтобы поверить его заявлениям, королева - голая. И "благородная ложь" является, тем не менее, просто ложью.

NOTES:

1. Plato, *The Republic*, Book II (382c).
2. See "Idyllic Theory of Goddess Creates Storm" by Peter Steinfels, *New York Times*, Feb. 13, 1990. For a detailed critique of the "goddess" claims of Gimbutas and others, see Ronald Hutton, *The Pagan Religions of the Ancient British Isles* (Oxford: Blackwell, 1991), Chapter 2.
3. *New York Times*, March 29, 1994.
4. Leacock, Eleanor: *Myths of Male Dominance* (New York: Monthly Review Press, 1981); "Women in Egalitarian Societies", in *Becoming Visible*, Koonz and Bridenthal, eds. (Boston: Houghton Mifflin Co., 1977).

5. Paul LeJeune in *Jesuit Relations*, Vol. 6 p. 235, R.G. Thwaites, ed (New York: Pageant Book Co., 1959)
6. Goldberg, Steven: *Feminism Against Science*, *National Review*, Nov. 18, 1991.
7. Goldberg, Steven: *When Wish Replaces Thought* (Buffalo, New York: Prometheus Books, 1991), p. 173.
8. Hardin, Garrett: *Naked Emperors. Essays of a Taboo Stalker* (Los Altos, CA: William Kaufmann, Inc., 1982), chapter 8. Levin, Michael: *Feminism and Freedom* (New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1987), chapter 3.
9. See, for example, George Gilder's *Wealth and Poverty* (New York: Bantam Books, 1982), chapter 12.
10. Michael Levin, *Feminism and Freedom* (New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1987), Chapter 10.
11. Patricia Ireland, the head man at NOW, is technically married, but admits that she does not live with her husband, but instead with a female lover. Robin Morgan, until recently the chief editor of *Ms. Magazine*, and still on its editorial staff, has been openly lesbian for many years. "Full-time feminism" is dominated by lesbians, and not surprisingly, what is touted as the feminist agenda is really the lesbian agenda (careers are everything, marriage is a trap, husbands are evil, babies are a nuisance, etc.). If feminism today really represented the interests of ordinary heterosexual women, it would be working to make life easier and more harmonious for wives and mothers, rather than doing everything it can to blow the family apart.
12. for example, see Barbara Walker in *The Skeptical Feminist*, Phyllis Chesler in *Patriarchy - Notes of an Expert Witness*, or Robin Morgan in *The Demon Lover*.
13. These statistics come from Warren Farrell's *The Myth of Male Power* (New York: Simon & Schuster, 1993).
14. see "Dan Quayle was Right" *Atlantic Monthly*, April 1993.
15. Nietzsche, *The Genealogy of Morals*, Book I. See also Sheaffer, Robert *The Making of the Messiah* (Prometheus Books, 1991), chapter 2.
16. Simone de Beauvoir is generally acknowledged as the Founding Mother of contemporary feminism. In her tome *The Second Sex*, she explicitly grounds her theory of the 'exploitation' of women in "historical materialism" (i.e., Marxism), and in particular in the now-discredited historical speculations of Engels concerning supposed 'ancient matriarchies'. Today, the feminist establishment, and socialists, are on the same side of every significant political issue. NOW proclaims attempts to cut welfare to be a "war against women".

КОНВЕНЦИЯ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ ЖЕНЩИНЫ

Открыта для подписания и ратификации резолюцией 640 (VII) Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1952 года Вступление в силу: 7 июля 1954 года в соответствии со статьей VI.

Договаривающиеся стороны, желая осуществить принцип равноправия мужчин и женщин, указанный в Уставе Организации Объединенных Наций, признавая, что каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей и право равного доступа к государственной службе в своей стране, а также желая уравнивать в соответствии с постановлениями Устава Организации Объединенных Наций и Всеобщей декларации прав человека положение мужчин и женщин в отношении обладания и пользования политическими правами, решив заключить конвенцию для этой цели, настоящим согласились о нижеследующем:

Статья 1.

Женщинам принадлежит право голосовать на всех выборах, на равных с мужчинами условиях, без какой-либо дискриминации.

Статья 2.

Женщины могут быть избираемы, на равных с мужчинами условиях, без какой-либо дискриминации, во все установленные национальным законом учреждения, требующие публичных выборов.

Статья 3.

Женщинам принадлежит, на равных с мужчинами условиях, без какой-либо дискриминации, право занимать должности на общественно-государственной службе и выполнять все общественно-государственные функции, установленные национальным

законом.

Статья 4.

Настоящая Конвенция открыта для подписания любыми членами Организации Объединенных Наций, а также любыми другими государствами, получившими приглашение от Генеральной Ассамблеи.

Настоящая Конвенция подлежит ратификации, и ратификационные грамоты сдаются на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

Статья 5.

Настоящая Конвенция открыта для присоединения всех государств, указанных в пункте 1 статьи IV.

Присоединение совершается сдачей декларации о присоединении на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

Статья 6.

Настоящая Конвенция вступает в силу на девяностый день, считая со дня сдачи на хранение шестой ратификационной грамоты или декларации о присоединении.

Для каждого государства, которое ратифицирует эту Конвенцию или присоединится к ней после сдачи на хранение шестой ратификационной грамоты или декларации о присоединении, Конвенция вступает в силу на девяностый день после сдачи таким государством на хранение своей ратификационной грамоты или декларации о присоединении.

Статья 7

В случае представления каким-либо государством оговорки к какой-либо статье настоящей Конвенции при подписании, ратификации или присоединении Генеральный секретарь сообщает текст этой оговорки всем государствам, которые являются или могут стать участниками этой Конвенции. Любое государство, которое возражает против этой оговорки, может в течение девяностодневного срока, считая от даты указанного сообщения (или со дня, когда оно стало участником Конвенции), уведомить Генерального секретаря, что оно ее не принимает. В таком случае Конвенция не вступает в силу между таким государством и государством, сделавшим оговорку.

Статья 8

Любое государство может денонсировать настоящую Конвенцию, письменно уведомив о том Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. Денонсация вступает в силу через год со дня получения этого уведомления Генеральным секретарем.

Действие настоящей Конвенции прекращается со дня вступления в силу денонсации, после которой число стран в Конвенции оказывается менее шести.

Статья 9

Любой спор, возникший между любыми двумя или несколькими Договаривающимися государствами по поводу толкования или применения настоящей Конвенции, который не разрешен в порядке переговоров, передается по требованию любой из сторон в этом споре, если они не договорятся о другом порядке его урегулирования, на решение Международного Суда.

Статья 10

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций уведомляет всех членов Организации Объединенных Наций и те не состоящие членами Организации государства, которые упомянуты в пункте 1 статьи IV настоящей Конвенции:

- a) о подписях и ратификационных грамотах, полученных в соответствии со статьей IV;
- b) о декларациях о присоединении, полученных в соответствии со статьей V;
- c) о дате вступления настоящей Конвенции в силу в соответствии со статьей VI;
- d) о сообщениях и уведомлениях, полученных в соответствии со статьей VII;
- e) об уведомлениях о денонсации, полученных в соответствии с пунктом 1 статьи VIII;
- f) о прекращении действия Конвенции в соответствии с пунктом 2 статьи VIII.

Статья 11

Настоящая Конвенция, английский, испанский, китайский, русский и французский

тексты которой являются равно аутентичными, хранится в архиве Организации Объединенных Наций.

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций препровождает заверенные копии всем членам Организации Объединенных Наций и тем не состоящим членами Организации государствам, которые упомянуты в пункте 1 статьи IV.

СОДЕРЖАНИЕ

ОЧЕРКИ

Отражение эволюции повседневности в изменении канонов красоты эпохи галантного века	3
Гендерное прочтение литературных памятников эпохи Хэйан	12
Эволюция фаворитизма во Франции и его историческое значение	26
Сегрегация женщин-мусульманок в приватной сфере: прошлое и современность	35
Факторы, повлиявшие на изменения гендерного статуса женщины в новейшее время	45
Гендерные взгляды идеологов нацизма и их влияние на формирование феминной политики нацистской Германии.....	56
Эволюция института семьи как ответ на вызов постиндустриального общества	63
Маскулиннизм как ответ на феминизацию американского общества	81

ХРЕСТОМАТИЯ

Уоллстоункрафт Мэри. В защиту прав женщины.....	92
Шиффер Роберт. Феминизм, благородная ложь.....	103
Конвенция о политических правах женщины.....	119

**Назаров Сергей Васильевич
Назарова Вероника Вячеславовна**

ГЕНДЕРНЫЕ ЭТЮДЫ

Вып. 2.

**Научно-практические материалы
по гендерной истории**

Подписано к печати 20.11.18   Формат 60x84/16
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Тираж 100
Печать трафаретная цифровая. Усл. печ. л. 7,75 Уч. изд. л. 7,79
Издательско-полиграфическое предприятие
ИП Шурыгин Виталий Евгеньевич
